

Татьяна Коростышевская

МИНЬОН.
ПРОСТО МИНЬОН...

ИДДК

Миньон

Татьяна Коростышевская

Миньон, просто миньон...

«ИДДК»

2020

Коростышевская Т. Г.

Миньон, просто миньон... / Т. Г. Коростышевская — «ИДДК»,
2020 — (Миньон)

Все дороги рано или поздно заканчиваются, подходит к концу и история графа Шерези, болтуна, красавца, дуэлянта, королевского миньона и девушки. Бастиане предстоит сражение в финальной битве, на кону в которой стоит не только ее судьба, но и будущее всей Ардеры. Сейчас, как никогда, важно знать, кто друг, а кто враг, и что важнее – твоя преданность, или твоя любовь.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	21
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Татьяна Коростышевская

Миньон, просто миньон...

© Коростышевская Татьяна

© ИДДК

Пролог

*Спящий, храни королеву!
Нашу великодушную королеву, нашу благородную королеву!
Дай ей ратных побед, счастья и славы и долгого царствования
над нами!
И пусть она защитит наши законы и наши жизни, а мы защитим
ее!*

Песне Ардеры, новому королевскому гимну, внимало более трех сотен человек.

– А рифмы почему нет? – спросил у автора сего музыкального произведения Оливер лорд Виклунд.

– За древностью текста, – отвечивал другу Станислас Шарль Доре. – Рифму, знаешь ли, изобрели не так чтоб давно.

– То есть ты просто списал что-то из старинного фолианта и теперь собираешься принимать комплименты по этому поводу?

– Не списал, – горячо возразил менестрель, – а создал сложную стилизацию, долженствующую подчеркнуть монументальность ардерской истории. Наше величество, к слову, осталась довольна как мелодией, так и словами. И ей же, нашей дражайшей леди, принадлежит идея исполнить гимн впервые именно на празднике королевского университета.

*Излей на нее свои дары и благослови всех нас!
Да здравствует наша благородная королева!*

Последний торжественный аккорд смолк, гулко ударив о своды залы.

– Ее величество позволяет всем сесть, – возвестил церемониймейстер, поклонившись трону, стоящему на центральном возвышении в окружении более скромных кресел, в которые после дозволения начали устраиваться ректор, профессора и главные хабилицы университета.

Трон пустовал, Аврора отсутствовала, но политес есть политес.

– Ну, положим. – Виклунд опустил на свое место. – А почему же ты, друг мой величайший, не сочинил ничего столь же монументального, когда чествовали меня после битвы за Шарлемар?

– Я посвятил тебе песню!

– Эти скабрезные куплеты, которые в приличном обществе и исполнить зазорно?

– Ну, тебе-то лучше не петь в любом обществе и с любым репертуаром. Боюсь даже представить размеры того фахана, который топтался по твоим ушам, чтоб полностью лишит музыкального слуха... – Станислас приподнялся. – Он идет!

И друзья присоединились к аплодисментам, приветствуя нового профессора, которому, кроме звания, уже им полученного, пророчили руководство одной из университетских кафедр.

– Какой хорошенький! – Взволнованный женский писк был столь пронзителен, что перекрыл даже гром аплодисментов.

Патрик лорд Уолес из Ленстера обернулся на голос и улыбнулся. Он действительно был хорош, настолько, что даже серая роба университетского хабилица смотрелась на нем великолепно, не забывая своим немарким цветом золото его волос и яркую зелень глаз, подчеркивая драгоценный блеск королевского адаманта в мочке уха.

Злые языки поговаривали, что своему стремительному взлету новый профессор обязан скорее внешности, чем уму.

Злые языки ошибались. Впрочем, как и в отношении прочих миньонов – золотой четверки, козырных валетов королевской колоды. Четверо красавцев-аристократов – Оливер Виклунд, Станислас Шарль Доре, Патрик Уолес и Гэбриел ван Харт – доказывали свои таланты не единожды, посрамив врагов и хулителей. Воин, менестрель, ученый, политик, дополняющие друг друга и ревностно служащие своей даме – ее величеству Авроре. Последняя их совместная операция – возвращение под сень короны захваченного бунтовщиками пограничного графства Шарлемар – вызвала тревогу в сопредельной Домании и восторг в сердце каждого жителя Ардеры. Особую славу снискал Тиририйский Великан, как уже прозвали в народе Виклунда, в одиночку снесший наплечным тараном ворота замка. Славе этой поспособствовала как песнь, сочиненная Станисласом, об этом событии повествующая, так и особое строение тарана, разработанного Патриком. Ну а о многочасовых переговорах, договорах и альянсах, заключенных в процессе операции Гэбриелом лордом ван Хартом, песен никто не сложит, следовательно, о них будут знать лишь люди заинтересованные.

Ректор королевского университета произнес прочувственную речь и возложил на макушку лорда Уолеса профессорскую шапочку, хор исполнил еще один гимн, на этот раз студенческий, завершая официальную часть праздника. Профессура потянулась к выходу.

– Что там дальше? – Патрик пробрался к друзьям, лавируя в толпе и отвечая на поздравления знакомых. – Станислас, ты подготовил концерт?

– Я проиграл в карты ван Солу, так что сегодня он представит свой новый балет, – вздохнул лорд Доре и поправил оправу очков. – Песни ждут вас вечером за бокалом вина.

– Жаль, что ты не проиграл Дэни свою мандолину... – Оливер, дразнясь, тоже вздохнул и потер переносицу. – Вечер в тишине – это ли не мечта? Кстати, танцы я обожаю еще меньше песен, предлагаю сменить дислокацию и отпраздновать явление среди нас профессора в узком кругу. Гэб присоединится позже.

Они покинули залу уже под звуки балетной увертюры.

* * *

Ее величество Аврора ждала Мармадюка в его покоях у портрета лорда Этельбора.

– Добрейшего дня, моя леди! – Лорд-шут скинул дорожный плащ на руки ближайшей к нему фрейлины. – От кого мы сегодня скрываемся в моей берлоге?

– Сегодня, – королева потянулась, отбрасывая за спину распущенные волосы, – мы наказываем своим пренебрежением весь королевский университет в лице лорда-ректора.

– И нас не останавливает, что кто-то может подумать, что королева остыла к красавчику Уолесу настолько, что даже не поздравила его с назначением?

– Не останавливает. – Аврора зевнула, прикрыв рот ладошкой. – Чем больше народ будет думать о том, что их королева занята любовными играми, тем их королеве будет проще. Надо бы пообещать красавчику Уолесу какое-нибудь графство из освободившихся.

– Чтобы он занимался своим хозяйством в ущерб Ардере?

– Обещать – не значит дать.

Мармадюк обошел письменный стол и сел спиной к окну, вытянув ноги. Фрейлины, следуя знаку ее величества, покинули покои. Дверь мягко закрылась.

– Итак, – нарушил молчание шут.

– Итак? – эхом отозвалась Аврора.

Мармадюк посмотрел на нее с удивлением.

– А ведь сегодня годовщина, милый, – сказала королева. – Ровно два года назад мы потеряли Басти.

– Надо же, как бежит время, – натужно удивился Мармадюк. – Как удачно ты решила тогда снарядить на поиски всю свою козырную четверку. Пожалуй, именно эта экспедиция их сдружила.

– Они не достигли цели.

– Зато знатно погоняли на доремарском побережье пиратов и укрепили гарнизоны.

Королева раздраженно фыркнула:

– Ты весь в этом, Мармадюк, на каждую беду у тебя есть как минимум одно «зато»! Я тебе говорю, что юная страстная девушка два года живет в заточении, в руках опасных безумцев! Зато общая цель сплотила моих дворян? Ей страшно, ей, наверное, одиноко! Зато мы здесь прекрасно справляемся, стараясь сшить королевство, как расползающееся лоскутное одеяло? Мы были уверены, что Ригель двинет на столицу войска, заручившись поддержкой крупных фамилий с границ со Скасгардией! Где это все? Где войска? Где осада? Чего хочет эта сумасшедшая, помечающая своих приспешников красной звездой? Зачем ей понадобился меч Арктура? Кто ее волшебный спутник? Почему их следы затерялись?

– Она ведь все еще жива? – тихо спросил Мармадюк, когда ее величество обессиленно смолкла.

– Да. – Аврора поднялась с кресла и, приблизившись к шуту, обняла его за плечи. – Фамильный кристалл Шерези зажигается от моего прикосновения, значит, наш граф-Цветочек жив.

Мармадюк распрямился и, перехватив королеву за запястья, усадил ее на свое место:

– И это прекрасное «зато», милая. А теперь давай займемся нашим лоскутным одеялом.

Глава 1

Семь грехов

У меня одеревенела спина. Так бывает, когда сон сморит тебя в неподходящем для этого месте, ты вытягиваешь свои члены, пытаешься принять удобное положение, но поверхность – гладкая и твердая, удобству нисколько не способствует, ты пробуешь повернуться, утыкаешься плечом в стену или в стенку, такую же гладкую и твердую, и...

– И ничего никто не заметит, – голос у говорившего был писклявым. – Чикнем аккуратно здесь и вот тут...

– Осторожнее! – Второй тоненько чихнул. – Главное, ее не поцеловать. Отец сказал, что принцессы пробуждаются поцелуями.

Принцессы? Я осторожно приоткрыла веки и сразу зажмурилась от резанувшего по глазам света. Дыши, Басты. Раз – легкий вдох, раз, два, три – выдох. У спокойно спящих выдох длиннее.

– Как ты себе представляешь случайный поцелуй?

Мои коварные посапывания подозрений не вызвали.

Кстати, о поцелуях: губы ощутимо горели, я тихонько провела по нижней языком. Сухо и шершаво.

– Здесь! – сказал писклявый, и кожу головы над ухом обожгло болью.

Я взвизгнула, засучила ногами, оттолкнула чье-то тело и заорала, открыв глаза:

– Тысяча фаханов!

– Тысяча? – Рыжий коротышка замахнулся огромными ножницами. – Я возьму четверых! Простак, остальные на тебе...

– Где?! Где фаханы? – Второй коротышка ползал по земле, где очутился после моего толчка. – Где?

Я потерла кулаками глаза, поморгала, еще потерла. Яркое изумрудное лето, вода, камни, два карлика, ножницы...

Я заерзала, пытаюсь уйти с линии удара, то есть отползти. То есть... Ай, все равно ничего не получилось! Я была в коробке, бортики которой сковывали движения.

– Так где фаханы?

– Внимательней посмотри! – Пыхтя, я повернулась на бок, преодолевая сопротивление какой-то шерсти, которой оказалась набита моя коробка, шерсть была нежной и приятной наощупь, но раздражала чрезвычайно, особенно когда пыталась залезть в глаза или открытый от напряжения рот. Тысяча! Фахх...

Я повернулась, подмяв под себя целый сноп и остановилась, лишь ощутив боль в затылке. Шерсть оказалась волосами, причем моими.

– Ты нас обманула? – Карлик осторожно заглянул в ящик. – Разве принцессы могут врать? Ножницы шелкнули в воздухе.

Какая бессмысленная смерть, Шерези. Ты столько всего перенесла: пленение, ранение, побег, и все это ради того, чтоб тебя зарезали ножницами, как жертвенного барана?

– Какого барана? – Безоружный коротышка поднялся на ноги и стал отряхивать колени. Коленам это помогло мало.

Я опять думала вслух?

– Малихабарского. В Малихабаре, знаешь ли, придерживаются целого сонма странных традиций.

– Опять врешь?

Я пожала плечами. Может, и вру. Но откуда-то ведь у меня в голове этот жертвенный баран появился? И именно в связи с ножницами. Матушка моя, достойнейшая графиня Шерези, помнится, писала мифическое полотно...

– Если твоя матушка – графиня, – перебил мои, оказавшиеся монологом, размышления коротыш, – тогда ты принцессой быть не можешь.

– Не могу. Я – граф!

Второй коротыш выронил ножницы и чихнул.

– Будь здоров, – сказала я вежливо и сразу велела: – Помогите мне подняться.

Пока они тянули меня за руки с угрозой оторвать их, к фаханам, я вещала:

– Позвольте мне закончить о Малихабаре. Теперь я точно помню, что обряды с баранами и ножницами там проводятся. Из тучных стад выбирают животное с самым мягким руном и стригут его наголо, когда лорд наш Солнце находится в зените...

Когда мне наконец удалось перевалиться через бортик и встать на ноги, волосы окутали меня плащом. Думаю, это банальное сравнение не нашло бы одобрения у моего друга лорда Доре, но сейчас оно полностью отражало действительность. Из одежды на мне была лишь шелковая сорочка и волосяной плащ поверх нее. Сорочка доходила до колен, шевелюра – до щиколоток.

Сколько же прошло времени, граф?

Я повела головой, закинула за шею руки, собирая волосы.

– Злосчастье наше, Простак! – чихающий карлик обратился к другу. – Мало того что она не принцесса, так еще и скорбна умом!

– Какая разница, Чих, – отвечал тот. – У нее есть нечто, что к уму отношения не имеет.

И они посмотрели на меня своими блестящими глазками.

Я обернула волосяной жгут вокруг предплечья, легко присела и подхватила с земли ножницы. Они оказались тяжелыми, но и стричь ими я не собиралась. Угрожающе наставив двойное острие на собеседников, я закричала:

– Где мой пояс, мелкие твари? И если выяснится, что из-за того, что вы совершили со мною, пока я была без чувств, я не смогу его надеть...

Мой «скорбный», как его изволили только что принизить, ум уже давно сложил два и два. Я, Бастиан Мартере граф Шерези, могу быть мужчиной, только если на мне волшебный пояс. А он, в свою очередь, действует лишь до тех пор, пока я девица. И если эти мерзавцы успели меня обесчестить... Сколько же времени прошло? Судя по обилию моей шевелюры, лет пятьдесят, более чем достаточно, чтоб надругаться над моим телом!

– Меньше двух дней...

Они держали меня в этой коробке пятьдесят лет! Даже не в коробке – в гробу! Потому что гладкие кованые стенки...

– Сколько?! – На мгновение я позволила себе отвлечься от страданий.

– Тебя принесли нам позавчера.

– Два дня? На поругание и этого хватит!

Я взмахнула своим оружием. Собеседники не испугались, они попросту не обращали на меня внимания, быстро переговариваясь:

– Фахан говорил что-то про пояс?

– Не помню, Чих, он говорил с Папашей.

– Значит, если пояс есть, он у Папаши. Что эта скорбная умом лепечет про надругательство? Ты хоть что-то понял?

– Она, как большинство человеческих дев, считает, что ее невинность представляет огромную ценность для всех мужчин, которых эта дева повстречает на своем жизненном пути.

– А невинность...

– Это как-то связано с их репродуктивностью. Не напрямую, но...

– Скука.

– Согласен.

– Пояс? Она сможет его надеть?

– Если сострижет свои космы, она сможет надеть на себя все, что угодно.

– Слышишь, скорбный ум? – обратился ко мне Чих, он был чуть выше Простака и гораздо писклявее. – Я пока схожу за твоим поясом, а ты воспользуйся ножницами, раз уж все равно они у тебя в руках.

Я бы его послушалась, я даже приподняла ту руку, на которую была намотана моя шевелюра, но что-то меня остановило. Может, аналогия с малихабарским жертвенным барашком. А скорее жизненный опыт.

– Ты хочешь обменять мои волосы на пояс? – спросила я.

– Ну да, – Чих с готовностью кивнул. – Ты нам – свои космы, мы тебе – побрякушку. Согласна?

Хитрые глаза коротышки вишнево блестели. Святые бубенчики! Это как дважды два. Если сложить любовь к человеческим волосам с красными глазами мы получим фею.

– Ни за что на свете, малыш, – ласково протянула я. – Ты просто вернешь мне мой артефакт, потому что ни одна фея не может присвоить чужую вещь без разрешения.

Чих замер, сраженный моими умозаключениями.

– Может, в человеческом мире теперь видоизменились понятия пола? – спросил Простак. – Ну сам посуди, девушка называет себя графом, тебя – феей, в женском, заметь, роде. Или эти понятия перепутались только в ее голове? Папаша ведь ее осматривал? Может, там поражение каких-то подчерепных тканей?

– Болван! – громко решила я. – Не пытайся меня запутать. Воришки! Вы пытались меня остричь, значит, человеческие волосы для вас представляют ценность. Правильно?

– Ну и дальше что?

– Значит, вы феи!

– Станный вывод.

Я поняла, что умозаключения завели меня в тупик.

– Тогда кто?

– Давай так... – Простак кивнул подельнику: – Чих пороется в Папашиных вещах и найдет твой пояс, а мы с тобой спокойно договоримся, что именно ты вкладываешь в понятие «фея».

– Сначала, – рука уже устала держать ножницы, и я их опустила к бедру, – ты... Ах, не так. Ты, Чих, все-таки разыщешь мой артефакт. А ты, Простак... Я же правильно запомнила, как вас зовут? Ты скажешь мне, кто вы такие, без уточнения понятий.

Чих кивнул и удалился по тропинке в сторону покосившегося деревянного сарая.

– Итак? – Я прислонилась спиной к бортику ящика. – Кто вы?

– Братя. Мы с Чихом – братя.

– Вы люди?

– Если людьми называются жители твоего мира, то нет.

– То есть, – я сделала широкий жест, – это всё – не мой мир?

Собеседник кивнул.

– Мы в чертогах Спящего? – тут мой голос дрогнул от ужаса.

Простак хихикнул:

– Нет, граф, что ты. До чертогов отсюда довольно далеко. Но направление ты определила правильно. Вы называете это место – «Авалон».

– Авалон – это гора.

– Правильно. И именно она является тем стержнем, на который нанизано множество обитаемых миров.

– То есть ты хочешь сказать...

– Нашел! – Чих бежал по тропинке, размахивая серебряным поясом. – Под табуретом валялся.

Как вести себя дальше, я не представляла. Отложить ножницы, чтоб взять пояс? Тогда я стану беззащитной. Отпустить волосы, чтоб взять артефакт свободной рукой? Эта фаханова копна скует движения. И что делать сначала? Дослушать лекцию Простака или убеждаться в своей невинности?

– Будешь мерять? – спросил Чих.

– Непременно.

Хорошо, пусть они не феи, но они хотят мои волосы. Значит, мне есть чем торговать.

– Отведите меня в свое жилище, – велела я. – Обещайте, что не попытаетесь причинить мне вред, а также заколдовать или воздействовать на мои органы чувств с целью обмана.

– Мы не врем, граф.

– Тогда пообещать этого не делать вам будет легче легкого. Далее. Как только я буду убеждена в том, что моей девичьей чести не нанесено непоправимого урона, мы поговорим и вы ответите на все мои вопросы.

– А взамен?

– Если ответы будут мне понятны... то есть они могут мне не понравиться, но если я их пойму, я обещаю вам в награду один свой локон.

Коротышки окинули мои волосы плотоядными взглядами. Торговля пошла.

– Обещаем, – вздохнул Чих. – А ты взамен пообещаешь убедить Папашу, что никто из нас тебя не целовал.

– В этом уверенности у меня нет. Я же без чувств была. А вдруг целовал? Не собираюсь врать вашему отцу.

Страдания и ужас, появившиеся на маленьких лицах, доставили мне извращенное удовольствие, поэтому я мстительно пообещала:

– И если хоть кто-то хоть пальцем... или если пояс перестал работать... заставлю на себе жениться!

– Кого?

– Обоих! Боюсь, одного из вас человеческой женщине будет недостаточно.

Ох, что-то тебя заносит, Шерези. Если бы от поцелуев выветривалось фейское колдовство, была бы ты до сих пор в родном графстве, маменьке для мифологических полотен позировала.

– Я есть хочу, – пробормотал Простак, нарушив тяжелую тишину. – Давайте, действительно, в доме поговорим. Остальных до заката не будет, тоже голодные придут, надо хоть что-то приготовить.

– Жениться не буду. – Чих повел рукой, приглашая меня следовать за ним.

– Если не целовал, то не придется, – успокоила я всех.

– Тебя или вообще?

– Меня.

– А вообще ты с кем целовался? – возбудился Простак. – А почему я об этом ничего не знаю? С кем? С водяной? С крылатой, которая заказывает у Папаши ветряные бубенчики?

Чих молча топал по тропинке и время от времени чихал.

Простак перечислял все возможные кандидатуры, и из их обилия я смогла сделать некоторые выводы о многообразии видов здешних жителей.

Итак, где-то здесь, в достижимом удалении, находятся чертоги Спящего. Коротышки – не феи, но что-то фейское в них есть. А также на, а скорее «в», в этом Авалоне, есть нимфы, водяные, мавки, фаханы и крылатые.

Тысяча фаханов!

Я обвела взглядом все доступное пространство. Ничего волшебного в нем не наблюдалось, то есть абсолютно. Ну яркие краски, но я вполне могу представить эту же изумрудную зелень летом в Шерези, ну бабочки, порхающие с цветка на цветок, ну... Хотя бабочки были странными. Их крылья, серебристые и блестящие, казались кружевными. И отбрасывали на траву странные пятнистые тени. Одна из бабочек подлетела к лицу, жужжа, как ночная цикада.

– Их сделал Папаша, – сказал Простак, когда я удивленно вскрикнула, рассмотрев, что кружевные крылья создания состоят из серебряной канители. – Он первый здесь появился и сделал все, чтоб место стало походить на наш родной мир. Солнце, звезды, растения, ну и птиц с насекомыми.

Я запрокинула голову. Полуденное солнце не слепило и висело довольно низко. То есть на самом деле низко, туазах в двадцати, и крепилось оно не к небу, а к сводчатому каменному потолку.

– Мы в пещере, – пояснил Простак, – поэтому и фаханов приходится опасаться, время от времени лезут дикие на свет.

Девушке после такого открытия пристало бы упасть в обморок, а молодому дворянину – грязно выругаться. Поэтому, прошептав: «Святые бубенчики!» – я лишилась чувств.

– Мы ее не целовали, – пищал некто монотонно над ухом, – честью клянусь! Ни вместе, ни по отдельности, ни в мыслях даже!

– Она не привлекательна, – доказывал другой голос. – Папаша, у нее вон брови с мою руку толщиной! Нет, в брови я ее тоже не целовал!

Мне захотелось заткнуть уши, голоса мешали спать. А спать было так приятно, так здорово. Мягко было, практически как на собственноручно набитом травяном матрасе, и так же удобно.

– Болваны, – ласково говорил некто басом. – Не о том думаете.

– Она сказала – жениться заставит! – наябедничал Чих. – Обоих!

– А вы ей сказали, что ваши с ней виды несовместимы в репродуктивном плане?

– Не успели.

– Так с этого надо было начинать. Люди же зачем союзы заключают? Чтоб род продолжить. А этой деве от нас новых цвергов не нарожать, даже если женимся на ней все всемером.

Всемером? Значит, их семеро. Как семь грехов: жадность, зависть, бахвальство, лень... Чих, Простак и Папаша...

Цверги? Это гномы, что ли? Те самые кузнецы, которые выковали лорду нашему Спящему его славный меч, и славный щит, и славный...

Я перевернулась на бок, положив под щеку ладошку.

– Оставьте деву в покое, пусть поспит, – продолжал басить Папаша. – У нее все силы на выздоровление ушли. А чего это меня никто не хвалит, а? Посмотрите на ее щечки!

– Угу, я на одной ее щеке спать могу! – чихнул Чих. – Колоссальные щечищи!

– А раньше бы не смог, – сказал Папаша. – Раньше бы в рот провалился. Помнишь, как ей лицо искромсали?

– Помним. Фахан все переживал, что не зарастет.

– А я ему что говорил?

– Что наша остова не одну принцессу сохранила, и даже не двух.

– И кто оказался прав?

– Ты, Папаша.

– То-то же!

Наверное, за грех бахвальства в этой странной семье отвечал все-таки родитель. Потому что разговор все не заканчивался, вращаясь вокруг великолепного, лучшего, мастеровитейшего и талантливейшего.

Я пошевелила ладонью – щека действительно была целой, даже шрама на коже не прощупывалось. Я вспомнила, с каким сладострастием Ригель резала мое лицо, и поняла, что спать больше не хочу.

– Что за фахан меня к вам приволок? – Я села и раздвинула руками волосы, как занавеску. С этими патлами надо что-то решать, их, кажется, за прошедший час стало еще больше. – А поздороваться?

Папаша оказался еще мельче своих отпрысков, только ручки его, выглядывающие из кожано-льняных лохмотьев одеяния, бугрились мускулами.

– Здравствуйте, – я зевнула. – Мы тут с вашими сынулями успели кое о чем договориться.

– И тебе не хворать. Только сыновей у меня нет, дева. У нас большие проблемы...

– С репродуктивностью, – перебила я его, – что бы это фаханово слово ни значило.

«Репродуктивность» напомнила мне о неких неотложных задачах, а «неотложность» – о задачах еще более неотложных.

– Клозет?

– Что, прости?

– Ну, куда вы по нужде ходите?

– Это зависит от того, что именно надобно.

Я ругнулась и спрыгнула с высокой лежанки. Комнату рассмотреть не успела, все же бегом, галопом даже. Выскочила во двор, сшибая всех, кому не повезло оказаться на пути, побежала в отдаление, к кустам.

Кусты при ближайшем рассмотрении оказались из железа – и ветки их, и листья, и почки, и...

– Слышь, граф, – Простак раздвинул ветки над моей головой, – давай я тебя лучше в специальное помещение отведу.

– Нет у вас таких помещений, – простонала я. – Дикари! Вы даже слова такого не знаете.

– Теперь знаем. – Мелкий подобрал мои волосы на манер королевского шлейфа. – Ну давай, что ты тут игры устроила?.. И грязь разводить не нужно. Это если в лесочке, на природе, все для растительности на пользу, а здесь у нас даже дождя не бывает...

Он еще подергал меня за волосы, вытягивая из кустов, и повел, будто коня в поводу, обратно.

Был у них клозет, у фаханов мокрых. И даже с прочими, милыми сердцу любого ардерского дворянина, удобствами. И вода в умывальне была, и даже горячая, – вытекала из стены по желобу, и зеркало на стене было большое, в мой рост, – не какая-то полированная медная пластина, а нечто тонкое, как будто стеклянное, с напыленным на него слоем серебра.

Перед этим зеркалом я и примерила свой пояс. Через некоторое время, после довольно продолжительной беседы со всеми семьей цвергами: Папашей, Тихоней, Чихом, Хохотуном, Простакон, Соней и Ворчуном.

Артефакт действовал так, как и должен был: превратил буйноволосую меня в буйноволосого лорда Шерези. К слову, буйноволосие на нем смотрелось еще более странно.

Два дня? Что ж, это промедление не смертельно. Ее величество успеет воспользоваться информацией, которую принесет в клювике ее верный миньон. Она осыплет меня алмазными звездами, мне ушей не хватит, чтоб все их носить, буду украшена драгоценностями с ног до головы!

Я отодвинула пряди от висков, дырки в мочке не было – видимо, она заросла, как и порез на щеке от благотворного действия цверговой остоны.

Итак, цверги. Их семеро, они не семья, а нечто вроде мужского рыцарского ордена – «Сыновья Ивальди». Кто такой, или такая, Ивальди, мне даже узнавать не хотелось. А Папаша – всего лишь прозвище, потому что он самый умелый из семерых.

Я выглянула за дверь клозета, там в коридоре подпирал стену Простак.

– Принеси одежду, в которой я у вас появилась, – велела строго, потом добавила уже помягче: – Пожалуйста.

Меня притащил к ним фахан. Фахан, насколько мне удалось уразуметь, – это фея, только фея-мужчина. Знаю я одного такого, крылатого рыжего Караколя, который в Ардере не без успеха притворялся горбуном. Смешно. Поэтому мы, люди, никогда и не слышали о том, что бывают феи-мужчины. Мы знали, что есть феи и есть фаханы, феи обитают в Авалоне вместе с лордом нашим Спящим, стерегут его сон, а фаханы, следовательно, – в аду, или в нижнем мире, куда попадать ни одному разумному человеку после смерти не захочется. А это, оказывается, один и тот же вид! «Вид» – хорошее слово, его я уже успела подцепить от Папаша и использовала даже в размышлениях.

Папаша знал уйму сложных слов. И еще более сложных понятий. И будь я существом другого склада, более к наукам расположенным, я уцепилась бы за возможность узнать от него как можно больше. Но я – это я, и единственным моим желанием в этот час было вернуться к своей королеве.

Два дня! Я должна ей все рассказать.

Ах нет, не два, где-то около недели.

Я восстанавливала прошедшее время час за часом. Чародейский водоворот, открытый горбатым Караколем, унес нас в далекие дали. Там, в этих даях, нас ждал отряд вооруженных всадников, сопроводивших в горы по петляющей меж отвесных склонов тропке. Маршрут я помнила слабо, находясь под властью заклятия, так же как допрос и пытки, за ним последовавшие, пришла в себя на рассвете, когда лорд наш Солнце показался из-за горизонта. Замок, где я очутилась, назывался «Блур», и он точно был абсолютно реальным. Как реальными были и мои раны, причинявшие страдания, и безумная королева, во власти которой я оказалась. Ригель потешилась моей беспомощностью в полной мере. Кроме изрезанной в лоскуты щеки, она наградила меня также раздробленными щиколотками обеих ног и поломанными пальцами рук. Замок принадлежал Вальденсу, предателю Вальденсу, и ему же принадлежали стражники.

Итак, что дальше? Я пришла в себя, полюбовалась восходом солнца и премилым пейзажем, открывающимся с балюстрады, а затем сиганула вниз, в горную реку, опоясывающую стены замка. Побег. Отчаянный шаг. Я не размышляла – я действовала. Бежать обычным манером мне бы все равно не удалось, с покалеченными-то ногами. Если бы побег окончился моей смертью, что ж, я была готова и к этому. Лучше уж оказаться в чертогах Спящего, чем опять видеть сумасшедшие глаза моей похитительницы и слышать ее противный, дребезжащий смешок.

Я обернулась на скрип дверных петель, вынырнув из бесполезных воспоминаний.

– Вот. – Простак протянул мне стопку одежды, поверх которой лежал мой верный пумес – графское достоинство, которое я носила в штанах, чтоб придать своей фигуре более мужские очертания.

Пумес я схватила, а на прочее воззрилась удивленно:

– Это не моя одежда!

– Возьми. – Цверг стал раскладывать под зеркалом алый в золотых позументах камзол. – За тобой пришли и велели облачиться в алое.

Я раздраженно хмыкнула, сжала в кулаке пумес и выбежала в коридор.

За столом, где я оставила свои семь грехов, сидел только Папаша:

– Убедилась в своей нетронутости?

– Милорд не видит этого сам? – Я озиралась, но того, кто, по словам Простака, пришел за мной, в комнате не было.

– Милорд? – Цверг тоже осмотрелся.

– Вы! То есть ты! Ты не видишь сам, что все в порядке?

– Твои иносказания, дева, вызывают у меня тревогу, – серьезно сказал Папаша. – А о прочем – я не вижу колдовства фей, для меня ты осталась смуглой девицей с густыми бровями. Собирайся, тебе пора.

Я выглянула в окно. Во дворе стоял Караколь, возвышаясь над головами цвергов туаза на два.

– Почему он не заходит внутрь?

– Не может. Это закон Авалона, фахану не место в доме цверга.

– Чудесно! – Я вернулась к столу и уселась на стоящий рядом с ним табурет.

Пумес лег на столешницу, по сторонам от него легли мои расслабленные руки. Не знаю, как действует цвергова остова, но и кости она мне срастила.

– Что именно чудесно?

– Наше совместное будущее. У нас лет шестьдесят, я думаю. Шерези, я имею в виду своих предков, всегда отличались хорошей продолжительностью жизни. Кроме моего родителя, конечно. Но там несчастный случай, его вспорол на охоте дикий вепрь. У нас в доме вепри водятся?

– «У нас»?

– Смирись, Папаша. У нас. С фаханом я никуда не пойду, даже в благодарность за то, что он выловил меня из воды и притащил к вам.

– А благодарности к нам ты не испытываешь?

– Безграничную. Но ни одно доброе дело не должно оставаться безнаказанным, – уверенно сообщила я. – Нечего было посторонних девиц лечить, и целовать их тоже не стоило!

Мы с цвергом помолчали.

– Тебе придется уйти, – Папаша сдался первым.

– Не уверена, – уверенно сказала я, а потом, не выдержав, расхохоталась: – Разыгрывать тебя – само удовольствие!

– Ты тянешь время? – догадался он наконец.

– Волосы, – предложила я. – Мои чудесные шелковистые волосы в обмен на помощь.

– Ты их уже предлагала.

– Обещать – не значит дать. – Я потянулась через стол за оставленными на нем ножницами и щелкнула ими, отрезая первую прядку. – Небольшой аванс, Папаша, который должен подтвердить серьезность намерений.

Стригла я наощупь, о красоте заботы не проявляя.

– Уж не знаю, зачем феям нужны человеческие волосы...

– Для колдовства, – перебил цверг мое бормотание. – Для чего же еще? Это время, дева, ваши волосы – это время, та самая четвертая грань, которая необходима для любого колдовства.

– Тогда что – первые три?

– Меры: ширина, длина, высота. Время – четвертая.

Я остановилась:

– Надеюсь, эту информацию ты подарил мне бесплатно?

Честно говоря, получить прямой ответ на извечный вопрос о том, зачем феям наши волосы, я в этой жизни не предполагала.

– Сейчас мне нужны более конкретные советы.

Папаша рассматривал на свет отрезанную прядку:

– Такой странный красноватый оттенок... Ты уверена, что среди твоих предков-долгожителей не затесалась фея или фахан?

– До сегодняшнего дня я не предполагала бы такой возможности, – пожала я плечами. – Но это не важно. Ты можешь вернуть меня в Ардеру?

– Человеческие названия мало говорят мне. Это королевство или город?

– И то и другое. Если получится в город – великолепно, если в королевство – хорошо, даже если в другое королевство в пределах нашего мира – меня это устроит.

– Не могу.

– Тогда зачем уточнял, что я имею в виду?

– Зато знаю того, кто может.

– И этот «кто-то»...

– Ждет тебя сейчас во дворе.

– Караколь?

– В вашем мире он, видимо, носит это имя.

– Я бы советовал тебе, граф, – Простак, оказывается, все это время стоял в дверях гостиной и слушал нашу с Папашей беседу, – договориться с фаханом. Раз он притащил тебя сюда, значит, чем-то в тебе заинтересован...

– Этот совет я оплачивать не буду, – оборвала я Простака. – Как я, по-твоему, могу договориться с существом, которое находится в подчинении у безумца?

– Связанный клятвой?

Я подумала.

– Скорее всего. И как прикажешь с ним торговаться, если он может читать все мои мысли, даже самые сокровенные?

– Твоя проблема в том, граф, – грустно сказал Простак, – что ты все слишком усложняешь. Торгуешься там, где достаточно попросить, играешь, вместо того чтоб проявить честность и великодушие.

«Это и называется "интриговать"!» – могла я закричать, но подумала, что маленький цверг в чем-то прав, и даже испытала нечто похожее на стыд и запоздалую благодарность.

– Ты не мог бы открыть окно, чтоб фахан мог слышать меня? – попросила я Простака.

А потом подумала, что «слышать» надо как раз мне. А потом – что, может, здесь, где бы это «здесь» ни находилось, волшебные способности Караколя исчезли. Ах, какая бы это была удача!

Караколь был привычно уродлив, хотя сейчас, когда его кожистые крылья свободно лежали на плечах, подобно плащу, а не притворялись горбом, жалости его некрасивость не вызывала, а вызывала оторопь и страх. Вытянутое лицо, которое моя маменька, храни ее Спящий, назвала бы скульптурно вылепленным или еще как-то изящно, я наградила эпитетом «костистое», крючковатый нос, широко расставленные глаза. Урод. Яркий чужеродный урод.

Я улыбнулась широко и зло:

– Тысяча фаханов! Какая встреча! Ах, простите, принц, я забыла, что крошки-цверги имеют склонность понимать все буквально, фахан у нас только один...

Взгляд мой переместился на его рот.

Именно этим самым ртом он меня, негодай, и целовал? Поганец, невежда и прохвост!

Его глаза полыхнули ярко-красным. Что ж, Басти, можешь начинать бояться, он до сих пор способен читать твои мысли.

«Отправляйся к своей кровожадной короле, – подумала я старательно, – и передай, что я не ступлю и шага за порог этого дома».

– Сделай ей шрам, Брок, – устало сказал Караколь. – Ты ведь сможешь выковать такой, что не будет отличаться от настоящего?

– Ты хочешь обидеть меня недоверием? – ответил ему из-за моего плеча Папаша. – Я смог сделать для некоей богини, имя которой не буду называть, золотые волосы, которые не только прикрепились к ее голове, но и продолжали расти сами по себе.

– Тысяча мокрых!.. – я всплеснула руками. – Надеюсь, они росли наружу, а не внутрь? А то я знаю некую леди, у которой явно проблемы с головой. Не может ли быть это следствием...

Мой изящный пассаж был проигнорирован всеми. Папаша, подтянувшись на руках, запрыгнул на подоконник и потянул меня за ухо заскорузлыми пальчиками.

– От виска к подбородку, – пробормотал он, разворачивая мое лицо щекой к окну.

– Что за богиня? – дернула я головой.

– Еще у графа-девы было проколото ухо, – громко проговорил цверг в окно. – Что застыли, молодежь? Работа сама себя не сделает! Мигом в кузню! По местам! Соня, Ворчун, Тихоня...

Цверги мельтешили во дворе, исполняя указания. И никто не обращал внимания на бравого графа Шерези и его вопросы.

Если я собиралась на кого-нибудь обидеться, сейчас было самое время. Поэтому я дернула головой повторно и вцепилась зубами в папашину руку.

С примерно таким же результатом я могла бы укунить деревяшку, или подошву сапога, или перевязь – зубы скользнули по твердой коже цверга.

– Тпрррр-у-у! – сказал Папаша. – Я подковывал и более непокорных лошадей.

– Ты мне соврал? – Я оттолкнула его руку и отодвинулась. – На самом деле вы с Караколем друзья?

– Я никогда не говорил тебе обратного, дева.

– Ты говорил, что он не сможет переступить порог твоего дома!

– И не соврал. Фахан не может войти в дом цверга.

– И при этом вы – друзья?

– Не вижу противоречий.

Я фыркнула, но возразить было нечего. Папаша покачал головой и спрыгнул прямо во двор. Я проследила за ним взглядом, затем перевела его на Караколя.

Фахан поманил меня к себе. Ладонью! Как собачонку или продажную девицу.

– Оставь меня в покое! – проорала я, подходя к окну и перегибаясь через подоконник.

– Не могу. – Караколь будто шагнул сквозь марево, оказавшись со мной лицом к лицу.

– Тогда постарайся меня убедить!

– И этого не могу.

– Объясни...

– Нет, милая...

Это «милая» меня добило, оно было сказано с интонациями Мармадюка, от которых екнуло где-то в животе или в сердце.

Я хотела домой! К лорду-шуту, к ее величеству, к друзьям и мерзопакостному ван Харту. Пусть потешается надо мной, обзывает Гэбриелой и угрожает открыть мою тайну всем желающим. Если бы неделю назад я знала, к каким ужасным последствиям приведет мое бегство из Ардеры, я бы осталась в столице. Интересно, Патрик уже отправился на мои поиски? Ее величество снарядила лиловых плащей, чтоб отбить у безумной Ригель любимого миньона королевы? Когда меня спасут? Если всадник со сменной лошадейю может преодолеть за день пять лье, то группа всадников...

– Прошло больше двух лет.

– Что?

– Время здесь течет гораздо медленнее.

Я похолодела. Я же слышала об этом! Сколько историй ходит по Ардере о похищениях фей. Например, о том, что некий юный пастушок, играющий своим овечкам на дудочке, привлек внимание некоей феи и настолько пришелся ей по душе, что был приглашен в ее королевство. А потом он вернулся, такой же молодой и полный сил. Только вот родители его не дождались, уйдя в чертоги Спящего, да и бывшие ровесники, седые, морщинистые и беззубые, не узнали его. Там вообще грустно все закончилось.

Я же пугала этой историей Станисласа, когда его приглашала в Авалон моя фата Илоретта – фея, дарующая имена. Она так восхитилась музыкальным талантом доремарского мене-стреля, что решила заполучить его себе. Она заморочила его, влюбила и лишила способности здраво рассуждать. А я не позволила свершить похищение, открыв бедняге глаза на фейское колдовство. Станислас не знал, что пейзажка, разрушившая кованные планы фаты Илоретты, и граф Шерези – одно и то же лицо. А я... Я забыла, что в королевстве, или, если угодно, в мире фей, время течет по-другому.

Два года! Два!

Жаль, что ардерские мужчины не могут лишаться чувств от их переизбытка. Чувства меня захлестнули в этот момент настолько, что я застонала и стукнула кулаком в оконную раму.

Мои друзья, мои враги, моя королева! Что с ними случилось? А маменька? Как она жила без меня эти годы?

– Там идет война? – всхлипнула я. – Скажи мне, Ардера залита кровью?

Караколь пошевелил крыльями, что, видимо, должно было обозначать пожатие плечами:

– Меня не особо интересует ваш мир, но никаких слухов про войны и катаклизмы до меня не доходило.

– То есть ты хочешь сказать, что твоя госпожа не стала сражаться за престол Ардеры?

– То есть ты считаешь, что она уже должна была развязать войну?

Мой вопрос вернулся ко мне зеркальным отражением. Конечно, должна. Иначе к чему ей были все эти сложные многоходовые интриги? Зачем заговор, алые звезды и прочие милые шалости безумной Ригель?

А ведь ты дурак, Шерези. Дурак и дура. Ты сделала выводы, не основываясь ни на чем, кроме личного, довольно куцевого опыта.

Что тебе нужно сейчас, а, провинциальный дворянчик? Ответы на вопросы? Ну спроси. Спроси Караколя. Можешь даже спрашивать мысленно, чтоб не множить сущностей.

Только, могу поставить на кон свой графский пумес, на твои вопросы он не ответит. Почему?

– Ты не можешь мне просто рассказать? – сказала я, почти зная, что он ответит.

– Нет.

– Тебе запрещено?

– Да.

– То есть тебе запрещено напрямую об этом кому-то рассказывать?

Он кивнул.

Я продолжила:

– Тебе запрещено рассказывать только мне или вообще кому бы то ни было?

– Никому и никогда.

– Никому из людей или фей и цверги тоже находятся под запретом?

– Я не могу произнести этого вслух, даже находясь в одиночестве.

Я задумалась, запрыгнула на подоконник и уселась, скрестив ноги и прикрыв колени подолом сорочки. Он – фея, ну, то есть фахан, но это сейчас не важно. Значит, формулировка договора для него важна, и, заключив договор, нарушить его он не может. Фата Илоретта тоже не могла. Она могла юлить и изворачиваться, трактовать условия в выгодном для себя свете, но ни разу, ни разу не нарушила прямой договоренности. Итак, передо мною фея, заключившая некий договор с Ригель, или с Моник, которую я раньше знала под этим именем. Она – госпожа Караколя. Он всегда честно и развернуто отвечает на ее вопросы. В этом я уже убедилась. Это, видимо, входит в условия договора. Но и договор не помешал ему меня спасти. Или таково было указание сумасшедшей коровы?

– Где сейчас Ригель? – быстро спросила я.

– В замке.

– В каком мире? В человеческом или в мире фей?

– Замок Блур абсолютно точно стоит на землях Ардеры. – Караколь ответил обтекаемо, но я поняла, что на правильном пути.

– А твоя госпожа знает, что в Ардере время течет иначе, чем в Авалоне?

Он кивнул.

Итак, она знает и скорее всего попытается использовать это в своих планах, каковы бы они не были. И в этих планах мне, судя по всему, отведено место. Потому что иначе не тащила бы она меня с собой, а попросту убила. Моей безвременной кончины вполне хватило бы в качестве мелкой мести королеве.

Тут у меня вполне могло бы случиться головокружение от осознания собственной важности, но я его избежала. Пешки, знаете ли, тоже важны в игре, только вот и разменивают их на более сильные фигуры без счета. Итак, Шерези, что ты решишь? Будешь отсиживаться в компании цвергов, пока необходимость в тебе не отпадет с течением времени, или попытаешься понять и разрушить чужую игру? А что, маменька погорюет и отвлечется творчеством, через годик-другой, по местному времени, в Ардере сменятся поколения и, может быть, даже королевские династии, и ты сможешь покинуть Авалон. Представляешь, как удивит тебя прекрасный новый мир? Может, к тому времени люди изобретут самоходные повозки или вовсе оттрасят себе крылья на манер фахановых. Хочешь увидеть все лично?

Я посмотрела на Караколя, он явно слышал все, о чем я сейчас думала.

– Скоро начнется большая игра, милая, – устало проговорил он. – Идем.

Глава 2

Миньон двух господ

В веселом доме «Три сестрички» сегодня вечером было тихо и малоллюдно. Сестрички, числом уже гораздо более трех, но кто их там собирается считать, отдыхали за пределами заведения, а в гостиной, полутемной и абсолютно пустой, у зажженного камина беседовали за бокалом вина лорды ван Харт и Уолес.

– Итак, – Патрик поправил кисточку своей профессорской шапочки, лежащей на столешнице, – я могу поздравить нас с победой?

– С промежуточной, – Гэбриел тоже смотрел на шапочку. – Будь по-ученому точен, соответствуя своему статусу.

– Я получил замок?

– Блур, ранее принадлежавший предателю короны Вальденсу.

– А напомни-ка мне, почему замок получил именно я?

– Потому что тебе вечно обещают какой-нибудь замок, Уолес. Если бы мне обещали земли и регалии с такой же частотой, как тебе, я стал бы богаче Мармадюка.

– Обещать – не значит дать, – передразнил Патрик ее величество.

Получилось похоже, поэтому ван Харт позволил себе криво улыбнуться:

– Это в случае, если в твоём ближнем круге нет надоедливого маленького мерзавца.

– Она именно так тебя поносила?

– Кто? Ее величество? Поверь, это были еще вполне приличные выражения, в сравнении с прочими.

– Ее не удивило, что мне нужен именно Блур?

Ван Харт перевел взгляд на веселое лицо друга и покачал головой:

– Ты умнейший ученый муж, Патрик, но в некоторых вопросах наивнее младенца. Разумеется, я просил для тебя кусочки пожирнее, еще и торговался почище доманского купца. Так что королева облегченно вздохнула, когда в разговоре будто бы случайно всплыл этот отдаленный, необжитой и лишенный гарнизона... Да это просто кучка камней на границе с Тарифом, а не замок! Развалины, назвал бы я их, если бы не уважение, которое я испытываю к своей леди.

Последние пару фраз Гэбриел щедро приправил доманским акцентом.

– Там действительно все так плохо? – легкомысленно спросил Уолес. – Ты отправил туда шпионов, они уже прислали тебе отчет?

– Не успел. Дорога займет не меньше недели, я решил, что мы быстрее самостоятельно все разведем.

– «Мы»? Замок даруют мне, так что и инспекция владений – мое личное дело!

– Хо-хо! – Ван Харт изобразил ладонями аплодисменты. – Лорд Уолес настолько жаден?

– Ну а если серьезно, – Патрик покачал головой, – ее величество не отпустит тебя со мной.

– Еще и вуалью помашет напоследок. Она бы с удовольствием избавилась от всех четверых, но и половина от этого числа ее устроит.

– Поясни.

Ван Харт посмотрел в открытое лицо Патрика, вздохнул, притворно сокрушаясь:

– Дитя! Для чего наше величество заводило себе миньонов?

– Заводила? Заводят скорее собак, чем людей.

– Вот именно что завела, как щенков на псарне. Затем, чтоб молодые щенки загрызли старых собак, расчистив политическую арену. Ее расчет оправдался, мы сделали это. Но, к нашему несчастью, излишне рьяно и слишком быстро.

– А теперь...

– От нас пора избавляться, мой шаловливый песик. Потому что «слишком быстро» в нашем случае – непозволительно. Мы зачистили арену, избавившись от старичья, и имеем все шансы так же быстро заматереть. А ей, при всем моем восхищении, – тут Гэбриел опять прибег к доманскому акценту, – нашей венценосной леди, не особо нужны когти и клыки.

Лорд Уолес помолчал, тронул кисточку на шапке, затем посмотрел сквозь бокал, сквозь плещущееся в нем золотисто-багровое вино, на пламя камина:

– Аврора – женщина, а женщины добры и нерасчетливы.

– Ты глуп, если действительно так считаешь. – Ван Харт потер подушечкой пальца щеку. – Аврора, дружище, прежде всего – королева, а уже потом – женщина. И если уж разговор зашел о слабом поле, позволь задать тебе прямой вопрос.

Патрик кивнул, Гэбриел продолжил:

– Ты делил с ней ложе?

– С королевой? – В голосе ленстерца послышался испуг пополам с благоговением.

– Я так и думал, что нет. А людская молва меж тем приписывает тебе десятки любовных побед на этом ристалище. Впрочем, как и мне, как и Оливеру, как...

– Разве это важно?

– Лишь в том случае, если ее величество вполне к нам равнодушна.

– Или хранит верность одному мужчине?

– Мы даже знаем, какому.

– И не повторяем досужие сплетни.

– Точно! Лишь поддерживаем сплетни о нас грешных.

Патрик хмыкнул:

– Ну хорошо, мы – зубастые псы, – широко улыбнувшись, он отбросил со лба золотистый локон. – Уолес, у которого только что не едят с рук хабились королевского университета, или Виклунд, которому прочат пост командующего уже через пару лет, или ты... С тобой вообще все просто – в любой момент ты заявляешь права на Дювали и объявляешь долину отдельным княжеством. Но Станислас? Почему наш нежный бард вызывает ее опасения?

– Одна песенка нашего нежного барда может как разрушить, так и возродить из пепла любую репутацию. Уж сколько лет прошло после сочинения о шуте и фее, а во всех ардерских тавернах до сих пор напевают сии куплеты.

– Ах как же его звали?... – Уолес заржал отнюдь не с профессорской сдержанностью. – И что же наш лорд-шут, он благословит нас на свершения или твоя хитроумная комбинация была им замечена?

Ван Харт отхлебнул из своего бокала, в котором, судя по цвету содержимого, плескалось отнюдь не вино.

– Он прекрасно понимает, что короне нужны деньги, Блюр – неплохой форпост, чтоб разрушить монополию Тарифа в вопросах доступа на Авалон. Он нас благословит и помашет вуалью королевы, можешь не сомневаться.

Входная дверь загрохотала, распахиваясь, тяжелые шаги и легкая струнная мелодия возвестили, что компания миньонов пополнилась лордами Виклундом и Доре.

– Кажется, в столице не желают видеть всех четверых! – Гэбриел ван Харт отсалютовал прибывшим бокалом.

– Вода! – с отвращением кивнул Оливер. – И девиц, как я понимаю, вы предварительно разогнали?

– Не опасайся, что твои неуместные вопросы достигнут неких прелестных ушек? – Станислас лорд Доре быстро уселся за стол и придвинул к себе пустой бокал и бутылку, отобрав ее у Патрика.

– Я лишь хотел убедиться, что нашим сборам никто не помешает.

Виклунд тоже устроился за столом и разжился посудой.

– Итак, Блур? Дороги все еще не подсохли, поэтому обоз я собираюсь пустить малым ходом по тракту, а путешествовать с небольшим отрядом...

Оливер достал из-за пазухи тонкий пергамент дорожной карты и расстелил его на столешнице.

– Вот здесь, – ткнул он пальцем в какую-то точку, – мы оставим лошадей и найдем проводника. В это время года путешествие в горах представляет опасность.

– С каким именно поручением, позвольте узнать, к нам прикрепляют лорда Виклунда? – Гэбриел смотрел на карту без интереса.

– Леди Дидиан ван Сол наконец выходит замуж, – хохотнул великан, – и все друзья счастливого жениха направляются в новые владения лорда Уолеса, чтоб подготовить великолепный праздник. Лорд Уолес ведь не против?

– Не против. – Патрик склонился над картой.

– Королевский менестрель не может манкировать этим событием. – Станислас на карту вовсе не смотрел. – На подготовку нам выделено три месяца.

– Это то, о чем я тебе говорил, – Гэбриел обратился к Патрику. – Дидиан ван Сол и рыцари долины, которые съедутся на праздник. Наше шутейшество, пользуясь моментом, вознамерился пощипать Тариф.

– Как замечательно, что все наши планы в чем-то совпали.

– Значит, в дорогу?

– В дорогу, миньоны!

* * *

Я сидела перед зеркалом и безостановочно щелкала ножницами, даже не глядя на свое отражение. Караколю я не верила ни на грош. Фахан – раб, рабам доверять нельзя. То, что он спас мою жизнь, конечно, достойно благодарности, но тоже с оговорками. Вообще никому доверять нельзя. Я одна против всего мира.

Этот горький вывод я сделала, когда мысль про два прошедших года слегка обжилась в моей голове и перестала меня шокировать. На смену ей пришла другая – за два года никто не попытался меня спасти. Ни королева, ни шут, ни друзья. О чем это говорит? О равнодушном нежелании или о невозможности? Второе было бы крайне неприятно, первое же...

Я всхлипнула и посмотрела в зеркало. Волосы топорщились в разные стороны, придавая голове сходство с малихабарским растением тарухшакун, а попросту говоря – с одуванчиком.

Ругнувшись и намочив ладони в умывальном тазу, я пригладила вихры за ушами.

Нет! В то, что друзья меня бросили, я верить не буду! Вот просто не буду. Не спасли – значит, не смогли, значит, я сама спасусь.

– Собери! – велела я Тихоне, кивая на ворох состриженных волос. – Будем считать, что мы в расчете.

Цверг кивнул и стал неторопливо наполнять заранее подготовленный мешок.

– Твой шрам готов, – сообщил вошедший в комнату Папаша, потряхивая в воздухе деревянной шкатулкой.

– А второй заказ?

– С минуты на минуту. Ворчун должен принести его.

Он сально хихикнул, я покраснела. Второй заказ был слегка... гм... неприличен и исходил лично от меня. Я заказала бубенчики. Рассказ о золотых волосах, которые выковал Папаша для какой-то авалонской богини, натолкнул меня на эту мысль. Если у меня будет мужское достоинство, которое не грозит вывалиться из штанов при каждом шаге...

Я закинула ногу на ногу, ощутив бедром твердость своего пумеса.

Хотя, может, я и сглупила, когда поняла, что волосы у меня хоть так, хоть эдак отберут, и захотелось урвать выгоды напоследок.

Папаша установил шкатулку на подзеркальный столик и откинул крышку.

– Это шрам?

Бабочка, сидящая в шкатулке, взмахнула ажурными серебристыми крыльями, мне даже показалось, что с них осыпалась горстка пылицы.

– Шрам. – Цверг потер ладонь о штаны и протянул ее к насекомому. – Лучше настоящего будет, не сомневайся. Колдовство фей, знаешь ли, построено на обмане восприятия, а мое, наше, цвергово, колдовство...

– Ты хочешь сказать, – перебила я, – что подсадишь мне на лицо механическую букашку, которая вырастет в меня лапками и жалом?

Папаша дунул, бабочка взлетела.

– Жала у нее нет.

Я завизжала, отмахиваясь:

– Дай мне нож! Я хочу нормальный, настоящий, обычный шрам! Я боюсь!

Щеки как будто коснулось чье-то дыхание, я хлопнула себя по лицу, пытаюсь сбить насекомое, пальцы встретили бугристость кожи, как от старого, уже зажившего пореза.

– Обморок, – радостно спросил Папаша, – будет?

– Теперь в нем нет никакого смысла, – ответила я с горечью. – Гады вы фахановы, мокрые каналы, дуболомы...

Я могла бы продолжать, кажется, бесконечно. Но каждое слово стоило мне, наверное, часа в моем мире. Так что я просто махнула рукой, всхлипнула, вытерла с шершавой щеки влажную слезную дорожку (ардерские мужчины не плачут?) и собралась в дорогу.

Крик Ворчуна остановил нас у озера, за поворотом тропинки:

– Твой заказ, граф!

– Спасибо. – Равнодушно засунув под мышку очередной цвергов футляр, я поклонилась.

– Интересная работа, – гордо сообщил Ворчун.

– Не сомневаюсь.

– Волшебные бубенчики!

– За ту плату, что вы за них получили, они должны еще по ночам сказки рассказывать.

Цверг охнул, покраснел и потупил взор:

– Ночью они тебя удивят, не сомневайся.

Я тоже покраснела. С кем я их использовать собираюсь, свои бубенцы?

– Нам нужно торопиться! – Караколь стоял тузах в двух и, дуболом такой, не краснел. Улыбался гаденько тонким ртом, но не краснел.

Ворчун вежливо попрощался, выразив робкую надежду, что больше никогда со мной не увидится. Я эту надежду горячо разделила, поддержала и пожелала ему недолгих страданий, ибо сама отходить в чертоги Спящего не спешила, и лишь безвременная кончина маленького цверга могла спасти последнего от нашей повторной встречи в случае, если его бубенчики меня не удовлетворят.

«Его бубенчики» и «удовлетворят», оказавшиеся в моей тираде, вогнали в ступор, кажется, всех присутствующих, даже Караколя. Но я-то просто чуть натурально не лишилась чувств, когда осознала двусмысленность мною изреченного. Смогла только закашляться и махнуть на прощание свободной рукой.

Когда Ворчун скрылся за поворотом, фахан потянулся ко мне:

– Покажи!

– Прочти мои мысли и не лезь в мою жизнь! – отпрыгнула я.

– Тебе не кажется, что ты противоречишь сама себе?

– А тебе не кажется, что... – футляр поместился в карман кафтана, – что для раба сумасшедшей бабы...

Он опять дернулся ко мне.

Я опять отскочила, подошва сапога соскользнула, крутой берег озерца осыпался под ногами, я полетела спиной вниз. Глаза обожгло ярким светом лорда нашего Солнца, но жмуриться не пришлось. В тот же миг лицо укрыло тенью распахнутых крыльев фахана, а его длинные твердые руки подхватили меня за талию.

– Высоты боишься, болтушка?

Грудь Караколя, к которую я уткнулась носом, была тоже твердой. Надеюсь, я этот свой нос расквасила и мои кровавые сопли на камзоле этой канальи послужат крошечной мстостью. Крошечной и нелепой.

Фахан, видимо, услышав про сопли, перехватил меня под мышками и подтянул повыше, крылья его мощно рассекали воздух, озеро, оставшееся внизу, виделось уже серебряным блюдом на изумрудной скатерти великана.

Непередаваемое зрелище, особенно если учесть, что любовалась им я искоса, свесив голову через фаханово плечо. Меня замутило. От высоты, которой я конечно же (скорее всего, я надеялась, что это именно так) не боялась.

– Тошнит? – Караколь перекрикивал ветер.

«Точно за чистоту камзола переживает, – мстительно подумала я, решив, что отвечать не буду. – Наверное, даже на благословенном Авалоне непросто найти портного, который выкроит и сошьет одеяние с прорезями для крыльев. Прорези! Как расточительно! Там же сукна надо туаза четыре. А как прикажете швы в этих прорезях обрабатывать? Если канителью, то она натирать будет при полете, а если мягким льном, то он в два счета истреплется».

Фахан отодвинул меня на вытянутых руках, то ли чтоб действительно не испачкаться, то ли чтоб рассмотреть выражение моего лица.

«Шелк, – решила я наконец. – Шелковая нить подойдет для обметки лучше прочего. Во-первых, она крепкая, а во-вторых – скользкая, поэтому трение при работе крыльев ей не страшно».

– Я понимаю, что ты делаешь! – Фахан встряхнул меня, требуя внимания. – Ты отвлекаешься болтовней, чтоб не бояться.

– Чего еще может бояться девушка после поцелуя с тобой? Все самое страшное в ее жизни уже произошло! – проорала я вслух, а потом еще подумала: «Урод!»

– Какое высокомерие! – Он явно обиделся.

Странно, его называли уродом все подряд, и вслух, и в мыслях, а обиделся он именно на меня. Может, зря я так? Он же, в сущности, человек подневольный и не особо в моей плачевной ситуации повинен. Да и не человек он вовсе, а фахан. Может, то, что я считаю уродством, у них, у фаханов, напротив, сходит за прелесть и услаждает взоры местных дам? Может, Караколь меня не для удовольствия целовал, а для дела? Точно! Без поцелуя я бы не проснулась, а он постарался, разбудил... Может, даже отвращение при этом испытывал.

– Я тебя не целовал, женщина! – Караколь тряс меня уже раздраженно. – Ты можешь думать о чем-нибудь, кроме тряпок и поцелуев? Дура!

Лучше бы подтвердил мою версию про отвращение, и мы бы на этом успокоились. Теперь мне что делать? Возвращаться к Папаше и допросы с пытками для всех семи грехов устраивать? А сколько лет у меня на это уйдет?

Хотя поцелуем больше, поцелуем меньше...

Кажется, Шерези, мы наблюдаем с тобой другую крайность. Помнится, было время, когда ты мысленно величала себя в мужском роде и боялась вовсе утратить женское естество. Ты становишься развратницей!

Нисколько! Вот если бы я получала от поцелуев удовольствие...

Караколь зарычал, дернул меня, развернул и прижал к своей груди спиной. Подо мной разверзлась бездна, которой было ровным счетом наплевать на мои жалкие попытки не думать о ней.

Я зажмурилась, затем широко открыла глаза. Как же красиво, святые бубенчики! Как невероятно, нечеловечески красиво!

Розовые громады облаков, подсвеченные солнцем, вихри, мельтешение изумрудных пятен далеко внизу.

И я заорала, но не от ужаса, а от переполнившего меня восторга.

И в этот самый миг, будто понукаемый моим криком, фахан сложил крылья. Мы понеслись вниз.

Маневр Караколя я перенесла стоически, даже не попыталась вознести молитву, тем более что вскорости падение замедлилось.

Мы приземлились на ту самую террасу, с которой я так великолепно и бесславно пыталась бежать. На мраморе ее даже оставались следы моей крови.

– Ну наконец!

Яркая фиолетовая вспышка, запах грозы, дымный вихрь. Появившаяся из этого вихря безумная королева была в красном.

Не лучший выбор цвета. Волосы безумной королевы, короткие, почти как у мужчины, и, видимо, чтоб скрыть недостаток длины и пышности, забранные в золотую, украшенную рубинами сетку, были рыжими. А рыжим, как известно, красный не к лицу.

Когда-то Моник была блондинкой, с фиалковыми ясными глазами, пикантными ямочками на щеках, пухлыми губками и прочими прелестностями. Теперь она Ригель – претендентка на ардерский трон, убийца, заговорщица и моя похитительница. Пухлость ее и ямочки никуда не делись, но в сочетании с волосами смотрелись несколько нелепо. Да и глаза казались слишком светлыми и безжизненными.

– Госпожа! – Караколь опустился на колено.

Я опустила лишь взгляд – на свои ноги в черных шелковых чулках, на бедра, на которых топорщились атласные штанины. Мы с Ригель при желании могли бы изобразить парочку. Мой мужской костюм – того же оттенка, что и ее туалет. Только желания у меня нет никакого.

– Бастиан Цветочек Шерези, – ласково протянула Ригель, приближаясь. – Мой любимый миньон. Отчего же ты не приветствуешь свою королеву?

«Ее величество здесь?» – следовало спросить мне и оглянуться с комическим испугом. А еще неплохо было бы посмотреть на Ригель без страха. Но это мне не удалось. Я боялась, боялась ее до обморока, до слез, которые с трудом сдерживала.

Ригель подошла, опустила руку на голову Караколя:

– Какая досада, что мой миньон перестал быть красавчиком. Уродец Шерези. Где ты нашел это существо, милый?

Пальцы сжались, потянув фахана за волосы, поднимая его опущенное лицо.

– Как далеко ей удалось бежать?

– Я забрал ее у цвергов, на авалонских предгорьях, моя госпожа. Это гораздо ниже по течению реки.

– Нам следует поблагодарить достойных карликов за то, что сохранили мое имущество. – Ригель оставила в покое фаханову шевелюру, щелкнула пальцами и отсалютовала мне появившимся в ее руке бокалом: – Тебе тоже следует быть благодарным, уродец.

Я с тоской посмотрела вниз на реку.

– О чем она думает? – резко спросила Ригель.

– О том, что неплохо бы броситься с балюстрады, – ответил Караколь.

– Она знает о том, что без меча ей не выбраться обратно в человеческий мир?

Меня настигло озарение. Волосы Ригель – короткие, нисколько не отросшие за прошедшие два года. Значит, все это время она находилась здесь, на (или «в»?) Авалоне. И замок Вальденса Блур находился здесь же? С ней? С нами? Она – в нем, в замке, замок – в Авалоне. И меч... Меч мне вспомнился только один – клинок Арктура, которым так лихо орудовал Караколь в подземельях дворца. А еще фиолетовые вихри, и этот бокал, появившийся в руке Ригель будто по волшебству. Будто? Именно что по волшебству.

Что еще она теперь умеет? Может заставить меня делать что-то против моей воли? Напустить на Ардери моровое поветрие? Нарисовать на всех подданных Авроры красные звезды?

– Теперь знает, – Караколь со вздохом прервал мои размышления. – Что прикажете с ней делать, моя госпожа?

Ригель хихикнула, подошла к перилам балюстрады и, перегнувшись через них, швырнула в пропасть опустевший бокал.

– Что делать? Что делать?! Ума не приложу, что нам делать с этим бесполом уродцем! Недомальчик-недодевочка, и в обеих ипостасях – чудовище!

Я смотрела на Ригель, почти не осознавая, о чем она говорит.

Если бы ее колдовство распространялось на человеческий мир, не сидела бы она здесь с этой нелепой прической... Значит...

Тут я дернулась от щекотки – моего колена коснулся кончик фаханова крыла.

Черного, как и мои чулки. Черное сочетается с черным, даже если ткани не совпадают текстурно. К примеру, сукно неплохо смотрится с атласными вставками того же оттенка. А еще можно поиграть со светом, если по черному атласу вышить черным же шелком...

Крыло расслабленно опустилось на пол.

Черное на белом... Хорошее сочетание.

Уже потом, выгребая из остывшего камина золу и полируя решетку, я позволила себе думать о чем-то, кроме цветов и тканей.

А сейчас мысли мои следовали за глазами: я осудила рыжих дам, выбирающих алые туалеты, порадовалась тому, что мой костюм мне скорее всего к лицу, ибо я брюнетка либо брюнет, в зависимости от ипостаси.

Коленопреклоненный Караколь фыркнул, сдерживая смех.

– Почему она ничего не говорит, милый? – визгливо спросила Ригель. – Раньше Цветочек Шерези болтал без умолку.

– Я лишил ее голоса, моя госпожа, – ответил фахан.

– Бедный немой урод! – Безумная королева подошла ко мне, потянулась к волосам.

Я отступила, пытаясь что-то сказать и со страхом осознавая невозможность произнести хотя бы слово.

Он действительно лишил меня голоса? Ну да, ведь раб не может лгать госпоже. Он говорит ей только правду, ничего, кроме правды.

– Она знала? – Ригель обернулась к Караколю.

– Нет, и теперь в ужасе.

– А о чем она думала до этого?

– О том, что ей к лицу красный, в отличие от вас, моя госпожа...

Фахан отвечал неохотно, будто с усилием.

– Мерзавка!

Голова дернулась от пощечины, уклониться я не успела. Потом Ригель щелкнула пальцами, воздух вокруг меня сгустился туманом, рой фиолетовых искорок опустился на плечи, и, как будто от настоящих искр, ткань кафтана стала тлеть, меняя цвет. Когда туман развеялся, костюм мой превратился в холщовое рубище – широкие штаны и рубаху длиной до колен. При этом цвергов футляр остался при мне, под одеждой, так что пришлось придерживать его локтем, чтоб не вывалился на пол.

– Отправь ее к слугам, милый, – велела Ригель, с удовольствием осмотрев меня всю – от кончиков пальцев босых теперь ног до макушки. – На кухню, для самой черной работы. И если она снова попытается бежать – убей. Хотя куда она теперь убежит? Немая жалкая уродина...

– Как прикажет моя госпожа.

Караколь стал медленно подниматься с колен.

– Пояс! – вдруг взвизгнула Ригель. – Пусть отдаст мне пояс! Нужда в маскараде отпала, страшный миньон не нужен никому, мне-то уж точно! Ну же, милый, забери пояс. Я не могу прикоснуться руками к этому грязному ничтожному существу.

А пощечину она мне что, ногой отвесила? Руками она не может! Не дамся! Ни ей, ни этому фахану мокрому. Мало того что у меня отняли голос, теперь хотят лишить ценного артефакта? У меня, между прочим, бубенчики к нему есть в комплекте! Не позволю себя мужского естества лишить!

Фахан со мной и моим достоинством не церемонился. Его нетопырьи крылья резко расправились, накрыв нас будто шатром, твердым и тесным.

– Можешь пока подумать о поцелуях, – сказал Караколь шепотом, в полутьме блеснули его красные глаза, а руки скользнули под мою рубашу, я даже чуть хихикнула от щекотки и придержала локтем футляр. – Не дергайся, болтушка. Дурацкая застежка...

Дурацкая застежка щелкнула, рубаша сразу стала тесной в груди. Прежде чем сложить крылья, Караколь целомудренно подтянул ворот моего рубища повыше.

Затем, развернувшись, с поклоном передал пояс своей госпоже.

– А теперь... – Ригель схватила артефакт, звеня серебряными звеньями.

Я подумала, что на талии ей его не застегнуть, она, видимо, решила так же, поэтому намотала его на запястье, как браслет.

– Пошла прочь, Уродина!

Заглавную букву в своем новом прозвище я расслышала очень хорошо.

«Подумаешь...» – мысленно пожала я плечами и переступила с ноги на ногу, ощущая непреодолимое желание «пойти прочь» в сторону ближайшего замкового клозета. Моему молодому организму были безразличны творящиеся вокруг этого организма безобразия. Ему требовалось несколько минут уединения. Причем срочно.

Караколь, святой, в сущности, фахан, моим желаниям препятствовать не стал. Он грозно рыкнул нечто неразборчивое, видимо, сдерживая смех, растопырил крылья, как бойцовский петушок, и погнал меня в сторону внутренней лестницы.

– И не возись с ней долго! – не унималась Ригель. – Ты нужен мне здесь! До заката я хочу освоить еще несколько фокусов!

– Как прикажет моя госпожа.

Для вежливого ответа повелительнице фахану пришлось остановиться, развернуться, исполнить трехактный поклон... Тысяча мокрых караколей! Да они надо мной издеваются!

Плюнув, разумеется, мысленно, я припустила вниз по лестнице.

Караколь нагнал меня минут через десять, я услышала шелест его крыльев и звук шагов за дверью, отделяющую эркер, вынесенный надо рвом, от коридора.

«Верни мой голос!» – отчетливо подумала я.

Каморка была крошечной, колени упирались в дощатую дверь, а затылок холодил тесный камень.

– Нет!

Десяти минут моему организму хватило с избытком, поэтому в данный момент я вертела в руках цвергов футляр. Видимо, он мне теперь не пригодится. Бесплезное приобретение. Может, выбросить его к фаханам? В смысле не к фаханам, а просто выбросить? Ну вот хотя бы в дырку в полу. Чтоб никому больше не достался. А то кто эту Ригель знает? Может, она и мои новые бубенчики захочет? Пумес-то мой тю-тю, развеялся противоестественным колдов-

ским образом вместе с красным камзолом. Тогда почему не развеялся футляр? Потому что его делали цверги! Папаша мне говорил, что его волшебство сильнее того, которым обладают феи. Судя по тому, что Ригель приняла мой шрам за настоящий, так оно и есть.

– Выходи!

«Не выйду!»

Я изогнулась, прижавшись боком к стене, и посмотрела вниз.

Если пояс она использует в качестве браслета, даже страшно представить, что она сделает с бубенцами. Кстати, о бубенцах...

– Басти! – в голосе фахана слышалось страдание. – Ты ставишь меня в неловкую ситуацию...

«Значит, ты не собираешься возвращать мой голос?»

Он промолчал.

«Спрошу иначе. Ты можешь мне его вернуть?»

– Это несложно, – осторожно проговорил Караколь, – но...

«Но не хочешь?» – мне удалось придать мысли обвиняющий оттенок.

– Как будто здесь хоть что-то зависит от моего желания...

Вот ведь незадача. Я ощутила нечто вроде сочувствия. Он же пытается тебе помочь, глупая ты девчонка, по-своему, конечно, по-фаханы. Если бы ты при голосе была, вообрази, каких дерзостей наговорила бы сейчас безумной королеве, а потом вообрази, как бы она тебя за эту дерзость наказала. Караколь вполне изящно вывел тебя из-под удара непокалеченной и живой.

Но он не отвечает на мои вопросы!

Значит, не может!

Или не хочет?

А может, ты просто не умеешь задать правильных вопросов? Вспомни, как ты беседовала с фатой Илореттой, феей, дарующей имена. Вспомни, какое значение она придавала формулировкам.

«Почему бы тебе меня не отрешить? – подумала я. – Зачем ты уговариваешь меня выйти, если можешь заставить?»

– Не могу, болтушка, теперь не могу...

Я удивилась, что его ответ на этот раз не был односложным.

– Те фокусы, которыми обучается моя госпожа...

«Она отбирает их у тебя?»

Я распахнула дверь и требовательно уставилась в красные глаза фахана.

«То есть рано или поздно она научится отбирать голос самостоятельно?»

– Это мелкое колдовство, и вряд ли моя госпожа захочет...

«Где мой голос? – Предполагать, чего захочет или не захочет безумная корова Моник, нет желания. – Ты ведь должен был заключить его в какой-нибудь артефакт? Правда? Это было бы логично...»

Караколь потупился. Так как возвышался он надо мною туаза на полтора, это движение выглядело скорее угрожающе.

– Я поместил его...

И еще до того как фахан закончил фразу, я знала ответ.

Он! Болван! Поместил его в пояс! Потому что это был ближайший к его болванству артефакт фей!

Ненавижу!

Спящий! Как же я в этот момент ненавидела Караколя!

Мне плевать на шрам на щеке, потому что не в красоте смысл моей жизни! Почти плевать на плен, потому что из любого плена можно бежать! Плевать даже на прошедшие в моем

мире два года! Но, как оказалось, плевать на все это проще было по отдельности. Когда несчастья накопились, моя внезапная немота стала последней каплей, той самой мифологической, переполнившей чашу терпения.

В груди все горело, как от кинжальной раны, злость рвалась наружу.

– Прости... – растерянно бормотал фахан, – в тот миг это действие мне показалось крайне удачным... Я не мог использовать для колдовства твой шрам или таинственный артефакт, который ты прячешь от меня под одеждой. Цвергово колдовство не совпадает в колебаниях...

«Заткнись! – раздраженно подумала я. – Твоя красная корова ждет твоего возвращения. Так что исполни, что тебе велели, и оставь меня в покое!»

– Но...

«Мы теряем время! Сколько лет нормальной жизни отнимает у меня наше препирательство у клозета? Месяц?»

– А сколько мы препирались?

Караколь повел взглядом по сторонам, будто высматривая часы.

– Для меня время не играет важной роли, в отличие от вас, людей.

«Семь минут?»

Мы уже шли по коридору, я – в полушаге позади, потому что дороги не знала. Фахан сложил свои крылья очень плотно, настолько, что опять почти превратился в обычного горбуна. И шел он неспешно, подстраиваясь под длину моего шага, поэтому шаркал и покачивался.

«Ответь! Как высчитывается соотношение времени моего мира и Авалона? Если я буду знать формулу...»

– Тебе нужно именно соотношение с Авалоном?

Я остановилась.

«Здесь время течет по-другому? То есть по-третьему? И не смей отвечать вопросом на вопрос! Ты мне должен! За то, что сделал со мною, ты должен мне, Караколь!»

– Какая горячность! – пробормотал фахан и, придерживая мой локоть, повел меня дальше. – Я отвечу. Конечно, отвечу, в этом нет ничего тайного. Ты уже знаешь, что время является самым важным компонентом для колдовства фей?

Я кивнула, потому что узнала об этом от цвергов. Потому феям и нужны наши волосы, что человеческие волосы являются овеществлением течения времени. Кстати, может, поэтому Моник и щеголяет короткой стрижкой? Может быть, она использует свои волосы, чтоб исполнять «фокусы», отобранные у Караколя?

– Моя госпожа теперь не нуждается в волосах, – ответил фахан моим мыслям. – Высокое волшебство работает напрямую со временем, ему овеществления не нужно.

«Поясни!»

– Ну, скажем, чтоб наколдовать девице волшебный пояс, который от полнолуния до полнолуния делает ее мужчиной, мне понадобилось бы около полугода.

Я опять замедлила шаг.

«Чьего полугода? Твоего или той самой воображаемой девицы?»

– Время, болтушка, не принадлежит ни тебе, ни мне, ни той самой девице, оно принадлежит некоему... – он еще плотнее взял меня под руку, – пространству? Или некоему пространственному пузырю, который возможно отделить одновременно от нескольких миров? Я, правда, не знаю, как тебе это объяснить...

«Подожди! – Я выдернула свой локоть. – Если для колдовства нужно «некое» время, почему феи Ардеры требуют в уплату наши волосы? Не проще было бы отбирать... Ну, не знаю... Годы жизни?»

Он пожал плечами:

– Хочешь ответ на этот вопрос или на самый первый? Кстати, болтушка. Мы пришли. Это твое рабочее место, так что поторопись.

Я поняла, что развернутого ответа не дожусь, поэтому мысленно воскликнула:
«Первый! Сколько прошло там?»

– Столько же, сколько и здесь! – Мокрый фахан даже хихикнул, видимо, решив, что ловко заболтал меня по дороге. – А если госпожа будет сегодня еще колдовать, ты сможешь даже выиграть несколько часов.

Я его не поблагодарила. Вот еще! Я подняла подбородок повыше и переступила через гранитный брус, отмечающий порог кухни.

Кухня была многолюдна, я даже удивилась, что гомон от собравшихся там людей не доносятся в коридоры, потом удивилась, что работы ведутся в полном молчании, что перечеркнуло мое первое удивление, и совсем уж изумилась, когда все присутствующие при нашем появлении рухнули на колени перед Караколем.

* * *

Девушка, что прислуживала в трактире блистательным лордам, была хороша до чрезвычайности. Волосы ее, чернее ночи, в отблесках каминного пламени казались багровыми, глаза блестели весельем, а пухлые губки... Впрочем, все хорошенькие подавальщицы чем-то схожи, и блистательные лорды повидали их за время путешествия немало. Добрый трактирщик понимает, что его прибыль зависит от пригожести работающей на него девы, а тот, что не понял, давно разорился и трактир держать перестал.

Кормили в заведении неплохо – без изысков, но с той провинциальной добротностью, которую могут обеспечить лесистые предгорья, полные дичи, и река, неглубокая, с ледяной прозрачной водой и быстрым течением, в которой водится серебристая форель. На гарнир путешественникам предлагали либо разваренную до пюреобразного состояния чечевицу, щедро политую луковой зажаркой, либо отсутствие гарнира. Блистательные лорды предпочли второй вариант, попросив побольше хлеба и эля, так как с напитками в трактире дела обстояли примерно так же, как и с гарнирами: эль или ничего.

Лорд ван Харт, впрочем, и в этом вопросе выбрал «ничего», лично спустившись к реке с пустым кувшином, чтоб набрать воды.

– Ваш друг болен, любезный лорд? – спросила девушка Оливера Виклунда, который ожидал обеда, разложив на столе две карты и сверяя их.

– Что? – Оливер посмотрел в блестящие очи, широко улыбнулся и ущипнул красавицу за тугую щечку: – Не волнуйся, милая, наш друг здоров. Как тебя зовут?

– Смалá, милорд. – Девушка премило потупилась. – Я дочь трактирщика, он встречал драгоценных лордов и сейчас хлопочет на кухне.

– Твоего достойного отца зовут Силá, мы успели с ним познакомиться.

Девушка, продолжая разыгрывать скромницу, бросила исподтишка взгляд на Виклунда. Интересоваться тем, как зовут простых людей, не было в обычае аристократов. А в том, что их заведение посетили именно аристократы, Смала была уверена.

Тот, что сидел сейчас перед ней, явно был воином не из последних. Его огромный, лежащий на краю стола меч, несмотря на простые кожаные ножны, мог даже носить имя, как живое существо. Второго, с каштановыми волосами и карими глазами, перебирающего сейчас струны мандолины у раскрытого окна, Смала посчитала бардом или менестрелем. Великан звал его Станисласом. Третий обладал внешностью сказочного принца, кудри – золото, очи – изумруд, а от улыбки в животе любой особы женского пола начинали роиться бабочки. Девушка ощутила это на себе, когда бросила в его сторону быстрый взгляд.

Гости пришлись ей по душе. Все трое. Даже менестрель, невзирая на нелепые стеклышки, которые он нацепил на нос, был приятен лицом, соразмерно сложен и обходителен. Между

собой молодые люди ладили и были если не друзьями, то, несомненно, хорошими приятелями. Они громко хохотали, обменивались шутками и необходимыми колкостями.

– Любезный лорд Уолес, – говорил Оливер сказочному принцу, – не могли бы вы пересечь с подоконника? Ваше великолепное тело загораживает мне свет лорда нашего Солнца и мешает сосредоточиться.

– Зависть – грех, любезный лорд Виклунд, – отвечал красавец, отбрасывая за спину золото кудрей. – А не мешает ли вашей сосредоточенности сотая баллада лорда Доре?

– Сотая за сегодня? – уточнял Виклунд. – Как раз сотая, кажется, была недурна. А эта вот... Сто тридцать четвертая? Лорд Доре, смерть ушам моим, сегодня вы неудержимы в сочинительстве! Неужели местная природа настолько вдохновила вас? Или та славная крошка, которую вы очаровали третьего дня, влила в вас свежих сил вместе с поцелуями?

И Станислас лорд Доре отнекивался, хохотал, бил по струнам и глубоким баритоном исполнял скабрёзную ритмичную песенку об обоих своих хулителях, успевая подмигнуть стоящей в сторонке девушке.

«Мощь, искусство, красота, – думала Смала. – Просиди я тут сто лет, не смогла бы...»

Великан ущипнул ее за другую щечку, чем несколько сбил с мысли.

– Простите, милорд, – девушка зарделась, – не могли бы вы повторить?

– Ваши работники смогут хорошо позаботиться о наших лошадях? Я велел какому-то парню на конюшне не снимать с них попон и не поить водой из реки, но, кажется, бедняга не особо крепок умом.

– Я могу провести наших скакунов, – предложил менестрель.

– И измучить их песнопениями? – Красавец Уолес молитвенно сложил руки перед грудью: – Пощади несчастных животных! Лучше пойду я.

– Не извольте беспокоиться, милорды, – затараторила Смала. – Парни у нас здесь не шибко сообразительные, зато старательные. А уж о том, что ледяную речную воду прежде нужно согреть, оставив в ведре на солнышке, знает даже последний деревенский дурачок.

– А далеко ли до деревни? – Оливер разгладил ладонями карту. – Два-три лье? Она вот тут?

Смала даже не посмотрела, куда указывает кончик его пальца, в картах она не понимала ровным счетом ничего, – просто пожала плечами и радостно проговорила:

– Обед почти готов! Прикажете поискать на берегу вашего четвертого друга, лорда Гэбриела, чтоб пригласить за стол?

Вот этот четвертый девушке не нравился совсем. Ну, то есть поначалу наоборот – именно он привлек ее внимание. Не такой высокий, как Оливер, но все же рослый и стройный, с широкими плечами и, в отличие от Виклунда, изящный. Не хорошенький, как Патрик, а красивый зрелой мужской красотой. И не было в нем легкой дурашливости менестреля, лишь угадывалась скрытая страстность, тоже очень мужская. А еще шрам! Ну какая барышня устоит перед загадочностью кавалера, чью гладкую кожу украшают следы прошедших битв? А взгляд серых глаз, обрамленных темными ресницами, обманчиво равнодушный? А неулыбчивый рот, который так хочется тронуть своими губами?

Когда Гэбриел ван Харт прыгнул со своей лошади в их дворе, сердечко Смалы забилося с утроенной силой. Она так пыталась быть полезной загадочному дворянину! Она нашла для него самый лучший, самый чистый кувшин. Она вызвалась проводить его к берегу, чтоб показать самый удобный спуск к воде... А когда смотрящий куда угодно, только не нее, кавалер отказался от провожатой, расстроилась.

– Не грусти, милая, – шепнул ей тогда менестрель. – Просто существуют крепости, осада которых бесполезна.

И Смала на время смирилась. У нее есть еще трое. Воин, красавчик и музыкант. И, в отличие от своего неприветливого спутника, эти трое девичьим чарам поддавались в полной

мере. За то время, что гости провели в трактире, девушка успела множество раз улыбнуться Патрику, удостоиться внимания лорда Оливера, слегка грубоватого, но милого. А лорд Доре даже сочинил небольшую песнь, в которой воспевались черные кудри и алые губы юной пейзажки.

Но все же неплохо получить и четвертого. Если ее отправят на поиски к реке...

– Оставь, милая, – сказал ей Виклунд. – Лорд ван Харт присоединиться к нам, когда сочтет нужным.

– После заката, – растягивая звуки, пропел Станислас, – лорда нашего Солнца.

– Я потороплю брата, – Смала постаралась не выказать своего разочарования. – Благородные лорды проголодались с дороги.

Она обвела взглядом кувшины с элем и бокалы, которые уже успела расставить на столе, присела в поклоне и пошла на кухню.

– Волшебница! – провожая ее взглядом, воскликнул Патрик.

– Ну да, – шепотом вторил ему Виклунд, когда Смала скрылась за дверью кухни. – Четверть часа, и батюшка-трактирщик превращается в брата. Ву-а-ля! Фокус!

– Ты уверен, что рядом нет никакого жилья? – Дурашливый менестрель, как ни странно, умел говорить и без музыкального сопровождения.

Оливер кивнул на разложенные карты:

– Излучина реки, брод, тракт остался в четырех лье к северу...

– Ты поговорил с работниками?

– Поговорил? – Патрик перегнулся через столешницу и принялся, высоко подняв кувшин, разливать эль по бокалам. – Нелегко разговаривать с немymi, дружище.

– Какое красивое журчание! – Виклунд быстро свернул трубочкой обе свои карты и спрятал их в карман. – Я бы с удовольствием посетил лошадиный водопой.

– Или нашел солнцепоклонника ван Харта! – поддержал друга Станислас. – Солнцепоклонника и водолюба!

– Мы же не можем оставить любезного Гэбриела без обеда? – возопил Патрик.

– Он же голоден!

– Как дворянин и друг я должен!.. Нет, я обязан!..

Каждая следующая фраза была громче предыдущей. Виклунд схватил со стола меч:

– Любезный ван Харт! Присоединитесь к нам за трапезой!

– Куда же вы, благородные лорды? – Девушка спускалась по лестнице, нагруженная подносом, за ней топал то ли отец, то ли брат с бочонком эля на плече.

Благородные лорды не ответили – они, будто нашкодившие мальчишки, уже выбежали во двор.

Глава 3

Уродина и горбун

Болезнь настигла ее величество внезапно. Еще вчера моложавая и прелестная Аврора открывала осенний бал, а сегодня, тенью себя прежней, без сил лежала в постели.

– Мое время приходит, милый, – жаловалась она Мармадюку. – Как некстати оно приходит...

Фрейлины едва справлялись со страхом, лорд-шут отсутствовал, уже третью неделю его не было в столице. Слова ее величества были обращены в пустоту.

– А знаешь, что я ему скажу? – шептала она. – Я спрошу, стоила ли Ардера моих страданий...

От негромкого, как шорох, королевского смеха по спинам верных фрейлин бежали мурашки.

– И мы с тобой, милый, знаем, что именно он мне ответит. Он ответит: «Да!» Он скажет: «Да, девочка, Ардера – превыше всего...»

Медикусы разводили руками и изобретали вычурные названия для королевского недуга, более они ничего не могли.

Королевский совет, на котором председательствовал лорд ван Харт, заседал ночь напролет. Канцлер за последнее время сдал и почти отошел от дел, но в лихую годину нашел в себе силы провести заседание.

– Что будет, когда известие о болезни ее величества достигнет Домании? – вопрошали, заламывая руки, царедворцы.

– Ровным счетом ничего, – отвечал старик. – Пограничные гарнизоны готовы к отражению любых атак.

– Куда отправился лорд Мармадюк? Почему его нет, когда он так нужен здесь?

– Спокойствие, драгоценные лорды! Вообразите, как будут потешаться доманцы, когда узнают, что отсутствие шута парализовало работу королевского совета.

Драгоценные лорды продолжали шуметь и заламывать руки:

– Мы поднимем войска! Мы разорвем вассальные договоры!

Адэр ван Харт лорд Дювали смотрел на них с презрением. Все равно чувство это на его испещренном морщинами лице не читалось. В прошедшем году канцлер перенес приступ, от которого правая половина его тела полностью утратила подвижность. Со старостью приходит мудрость, и лорд Адэр мудро рассудил, что частичный паралич дает ему некие преимущества. Например, возможность не скрывать презрения. Болваны! Сборище недоумков! Неужели никто из них не понял, что власти у них больше нет? Неужели дали себя обмануть? И кому! Клоуну в бубенцах и бабе!

Называть Аврору бабой, даже в мыслях, было неожиданно приятно. И Адэр продлил удовольствие, назвав ее еще с десятком словечек. Потом вернулся к болванам.

Войска! Ни у одного из них нет собственной армии! Уж тиририйский пройдоха Висклунд об этом позаботился. Королевские смотры и парады, укрепление границ, строительство Скасгардийского тракта, для которого отбирался каждый третий взрослый мужчина. Кем эти болваны собрались командовать?

Вассальные договоры? Полноте, дурачье. Это не договоры, а клятвы. Ваши фамильные кристаллы отзываются на прикосновение вашей королевы не просто так. Не потому, что кто-то из ваших предков что-то там подписал. Это магия, тупицы! Магические клятвы, которые никому не разорвать. И вы об этом знаете, но предпочли забыть, чтоб не отказать себе в удовольствии покричать и повозмущаться.

Кстати, о клятвах... Адэр ван Харт пожевал губами, то есть той половиной рта, которая сохранила подвижность.

Секретарь наклонился к канцлеру с салфеткой, вытирая с его подбородка влажную дорожку слюны.

– Канцлер ван Хорн просит вас о встрече, мой лорд. Он прибыл тайно и ждет в ваших покоях.

Секретарь звался ван Диормодом, был дювалийцем, а значит, подчинялся сначала своему лорду, а уж потом – ее величеству королеве Ардерской, храни ее Спящий.

Ван Харт подумал, дыша полуоткрытым ртом. Зятя своего он не видел с того дня, как опальный второй канцлер отправился с дипломатической миссией к доманскому двору. Неужели слухи уже достигли сопредельного государства?

Адэр картинно всхлипнул, захрипел, подергал рукой и ногой.

– Сиятельные лорды, – ван Диормод был на редкость талантливым юношей, по крайней мере, значение пантомимы канцлера ему удалось расшифровать без труда, – прошу прощения, но лорду ван Харту срочно требуется отдых. Перерыв заседания королевского совета, сиятельные лорды!

И секретарь вывез кресло канцлера ван Харта из зала совета. Кресло, спроектированное Патриком лордом Уолесом, было маневренным и легким. При желании Адэр мог управлять им и одной рукой, но с Диормодом, толкающим его вперед, было гораздо удобнее и быстрее.

– Молодец, – похвалил ван Харт секретаря. – Не отменить совет, а прерваться на некоторое время. Пусть ждут, сидят и придумывают всякие ужасы.

– Милорд не планирует туда возвращаться сегодня?

– Посмотрим, что предложит нам лорд ван Хорн. И, кстати, если я вернусь сегодня в совет, напомни мне внести предложение лишить его канцлерства. Я затынул с этим вопросом просто до неприличия.

– Вам было не до того, милорд, – утешил господина талантливый юноша. – Лорд ван Хорн тихонько сидел в Домании, пока вы здесь решали государственные вопросы.

Адэр поморщился:

– Лесть – штука полезная, но лишь в умелых руках. Последнее, что мне от тебя сейчас нужно...

Секретарь понял, что увлекся, и рассыпался в цветастых извинениях.

– Гэбриел! Дорогой зять! Как я рад! Сколько же лет прошло? – воскликнул ван Харт, когда уже взмокший от усилий ван Диормод дотолкал его кресло до гостиной.

Канцлер ван Хорн пружинно поднялся:

– Адэр! Дорогой шурина! Судя по тому, как ты сейчас выглядишь, – столетия.

И после, поклонившись и сложив руки перед грудью, негромко добавил:

– Как я рад.

* * *

Моя маменька, графиня Шерези, любила напоминать мне, дитятку неразумному, что жизнь человеческая есть равновесие, и за взлетом почти всегда следует падение, высоту взлета уравнивающее, и что если уж вознесся – не гневи Спящего, не гордись. Если предположить, что эта жизненная сентенция имеет и обратное действие, в теперешнем своем бедственном положении мне следовало избегать греха, противоположного гордыне, – греха уныния. Ведь, в сущности, я оказалась сейчас там же, откуда начинала. То есть в запущенном замке. И занималась делом, с детства привычным, – черной работой. Надеюсь, когда я вознесусь к вершинам в следующий раз, то обстоятельство, что в Блур не было ни милой родительницы, ни чудесной моей Магды, ни подруг и поклонников, мне зачтется.

«Тишайший замок Блур, – думала я, волоча по коридору корыто с помоями. – Чтоб тебе провалиться вместе со всеми своими обитателями!»

Хотя нет, неправда. Один поклонник у меня здесь есть.

Когда кухонная челядь рухнула на колени перед Караколем, я сперва растрогалась, даже всхлипнула про себя: «Бедняжки! Вас тоже лишил голосов поганый фахан!»

Пока я сентиментальничала, Караколь обвел склоненные фигуры взглядом, медленным и тяжелым, как... что-нибудь тяжелое и медленное, дождался, пока одна из женщин поднимет к нему лицо. Затем, повернувшись ко мне, проговорил:

– Это – главная кухарка, ты будешь исполнять ее указания.

Я посмотрела на главную кухарку. Бурое платье из странной поблескивающей ткани, волосы скрыты под плотным чепцом, лицо – длинное и очень костистое, такой же длинный нос, а под ним (святые бубенчики!) жесткая щеточка усов.

«Как зовут мою начальницу?»

– Это не важно, – ответил мне Караколь, – ты все равно не сможешь ее позвать.

«Как и она меня. Каким же образом она будет отдавать мне указания?»

Он повернулся к кухарке. Глазки у нее были маленькие и очень темные; когда они забегали, перемещая взгляд с меня на фахана, я поежилась.

– Она уверена, что ты ее поймешь.

«Буду звать ее Усындра», – решила я.

Погодите! Караколь не произнес ни слова, значит, кухарка читает его мысли? И мои тоже может?

Караколь развернулся, взмахнул крыльями и на мгновение накрыл меня ими.

– Твои могу читать только я, болтушка, – шепнул он мне на ухо. – Встретимся после заката.

Он ушел. А я подумала: «Тысяча мокрых фаханов! Кажется, у меня появился поклонник».

Усындра действительно не понимала, о чем я думаю, никто из них не понимал. А что до указаний... Когда тебе показывают на ведро и суют под нос тряпку, сложно сомневаться, чего именно в этот момент от тебя хотят.

Как только фахан удалился, все молча поднялись с колен и вернулись к работе. Молча! Усындра ухватила меня за руку, пальцы у нее были длинные и сухие, и потащила в глубь кухни. Я упиралась босыми пятками в пол, но скоро поняла, что кухарка гораздо сильнее. Ведро, тряпка, заваленный очистками стол в углу... Меня толкнули к нему.

«Ну что ж, Басти, ты можешь сейчас устроить грандиозный безмолвный скандал, даже с битьем посуды, но...»

Тут начальница моя ощерилась, показав торчащие желтые зубы.

«...но ничего этого не сделаешь, потому что эти крысы сожрут тебя с потрохами».

На кухне были крысы. Нет. Не так. На кухне работали крысы. Которым колдовством придали некое сходство с людьми. И бурые их платья, которые поначалу казались мне униформой, были шкурами, и чепцы их были вовсе не чепцами, и...

Крыс я не боялась. Я, кажется, уже ничего не боялась.

Прибрать загаженный стол было делом плевым, я могла бы справиться с этим с закрытыми глазами минут за пять, но провозилась больше часа. Я тянула время, присматриваясь и прислушиваясь. Прислушиваться было не к чему. Общались работники мысленно, только время от времени кто-то из них негромко и мелодично посвистывал, призывая Усындру. Я догадалась, что это призыв, потому как главная кухарка сразу же мчалась на свист. Крысы, и она у них главная.

Интересно, кто это придумал? Безумная Ригель или Караколь? Накал безумия позволял предположить, что королева.

Становилось жарко. На плите в огромном котле кипело какое-то варево, которое я даже в бреду не назвала бы супом.

Отвернувшись, я зубами оторвала от тряпки полосу ткани и подвязала ею на пояс футляр с бубенцами. Карманов в рубище, разумеется, не было, а оставлять артефакт мне не хотелось.

Через час я потащила выливать помойное ведро. Одну меня Усындра не отпустила, кивнув молоденькой вертлявой крыске, чья шкурка была чуть светлее и блестела ярче, чем у ее товарок. Я решила, что назову ее Ярка.

Потом было еще одно ведро, потом я уже сбилась со счета. Ярка каждый раз сопровождала меня. Она не была злобной, всегда помогала на ступеньках или надо рвом, когда ведро требовалось поднять повыше. Все прочее время она улыбалась своим мыслям или удивленно рассматривала собственные руки. Мне показалось, что эта получеловеческая форма ей внове и немало ее забавляет.

Через несколько часов на кухню явилась вереница нарядных пажей, пригожих мальчиков в неярких рябых камзолах. Сопровождала их дама в коричневом платье, по вороту и рукавам отделанном бирюзовым кантом. Сочетание цветов было странным, поэтому я смотрела на даму во все глаза. Она не крыса. Но какие, однако, знакомые цвета...

Дама отдала приказ пажам резким «дче-э-дче-э» и дребезжащим «пиррь».

«Это птицы, – поняла я. – Фрейлина – кареза, в наших краях ее еще называют сойкой, а мальчишки...»

Пажи как раз устраивали на подносы супницы с тарелками, один из них огибал стол. Я посмотрела на его ноги. Он не шел, а как будто подпрыгивал.

«...а мальчишки – воробьи, именно они не могут шагать».

Ну хорошо, на кухне – крысы, в столовой – птицы. А люди-то где? С нами в Блур прибыл отряд Вальденса и сам Вальденс. Куда их определили?

Вечером я была без сил. До такого состояния меня не доводили даже самые изматывающие тренировки в бытность мою претендентом на звание миньона. У меня болели руки, ноги, голова, да даже волосы на моей голове болели!

Спать полагалось в общей комнате на дощатых скамейках. Я забила в уголок, Ярка села у меня в ногах.

«Подведем итоги дня, Шерези. – Я зевнула и прикрыла глаза. – Ты провела его впустую, ни на шаг не продвинувшись к своему освобождению...»

– Устала?

Я открыла глаза. В ногах у меня сидел Караколь, Ярка стояла на коленях, опустив голову. Остальные крысы тоже были на коленях, занимая все свободное пространство пола.

«Что вы, милорд! – Надеюсь, сарказм передается и в мыслях. – Полна сил и готова к услугам. Чего желает наш повелитель? Прикажет почистить ваш нужник? Или...»

Фахан смотрел на меня и улыбался. Маменька моя, достойнейшая графиня Шерези, всегда говорила, что улыбка делает красивым самого уродливого человека. Караколь эту сентенцию подтверждал, хотя человеком не был.

– Идем, болтушка, – сказал он, а когда я пошатнулась, спустившись с лежанки, подхватил на руки.

«Твоя безумная корова тебя накажет», – устало подумала я, устраиваясь поудобнее.

Ну, несет и несет, подумаешь. Я так устала, что ни о каком сопротивлении речи не шло. Если бы он сейчас начал меня жрать, я бы даже не пошевелилась, разве что – чтобы цапнуть его в ответ. Потому что есть хотелось даже больше, чем спать, даже больше, чем помыться! Крысы обедали остатками супа из общего котла, я от этого жуткого варева тогда отказалась. Зря. Сейчас я съела бы и его, и даже Усындру, если бы она упала в этот котел.

– Все будет, болтушка, – вполголоса пообещал Караколь. – И ужин, и ванна...

Он шел очень быстро, я слышала стук его сердца и шуршание крыльев. Темнота, стук, шорох, мерные покачивания... Я задремала, поэтому, когда Караколь опустил меня на пол в своем логове, долго моргала и терла глаза.

– Тебе помочь раздеться?

«Если после обещанной ванны ты рассчитываешь на «тру-ля-ля», тебе придется разочароваться».

– Тру-ля-ля?

Я осмотрелась. Логово представляло собой большую комнату, ярко освещенную и довольно уютную. Окна не было, вместо него на стене висела картина. С таким видом живописи я знакома не была. На полотне змеились линии нескольких оттенков серого, от угольного до серебристого, они не имели четких границ, находили друг на друга, создавая тем самым забавный эффект мельтешения. Напротив картины стояло глубокое кресло. Между высокой спинкой и подлокотниками оставалось свободное пространство, видимо, для крыльев.

– Ты не ответила.

«Потому что кто-то отобрал мой голос! – огрызнулась я. – Что за вопрос?»

– Что такое «тру-ля-ля»?

«То, что тебе не светит!»

Моя наглость возрастала соотносительно моему отчаянию.

В комнате был так же стол, сервированный на две персоны, за ширмой виднелся краешек ванны, а кровать виднелась целиком, потому что балдахин ее был гостеприимно раздернут.

Фахан смену моего настроения заметил. Он покачал головой, проследовал через комнату, сел в кресло, опустив крылья в прорези, и устало сказал:

– Госпожа навещала тебя на кухне и осталась довольна твоим унижением.

Да? А я ее не видела. Хотя если Моник-Ригель колдовала, чтоб скрыть свое присутствие, я бы и не смогла.

– Сегодня она больше не придет к тебе, поэтому я посмел...

Я схватила со стола гроздь винограда.

«Это же не яство фей? Ах, плевать! Даже если после этого я пожизненно останусь здесь!»

Виноградина лопнула во рту, даря волшебную сладость.

– Это обычная человеческая еда, – успокоил меня фахан.

Виноград стал еще слаще.

– Оставь свои лохмотья у двери. Утром я верну тебя на кухню. Пока прими ванну и переоденься.

Я переминалась с ноги на ногу.

– Не теряй время, болтушка. Клянусь, что не буду на тебя смотреть.

В подтверждение своих слов он уставился на картину. На мгновение мне показалось, что линии на ней приобрели узнаваемые очертания. Но только на мгновение. Я моргнула, и все исчезло.

Не то чтобы я не доверяла Караколю, но ширму раздвинула на максимально возможную ширину, и прежде чем раздеться, скрывшись за ней, принесла с кровати алый бархатный шлафор. Даже если в прошлой своей жизни этот халат принадлежал одной известной мне любительнице красного, я собиралась его надеть.

Вода в ванной была едва теплой, но я застонала бы от наслаждения, если бы могла стонать. Я терла себя щеткой и обнаруженной на бортике мочалкой, промыла волосы, порадовавшись, что они сейчас короткие и не требуют особого ухода. Затем, выбравшись из ванны, я вытерлась, стоя перед медным зеркалом на туалетном столике.

Волосы обрамляли мое лицо, влажными они едва достигали мочек ушей. Да уж, цирюльника из меня не выйдет. Глаза покраснели от усталости, губы потрескались, нижняя распухла,

будто я постоянно ее покусывала. А шрам был отвратителен. От уголка глаза через щеку он спускался к подбородку. Я заплакала, и слезы потекли по шраму, как по руслу реки.

Рыдала я недолго. Потому что смысла в рыданиях не было никакого. Люди иногда теряют больше, чем красота. К тому же красота – самая недолговечная в мире вещь. В любом случае я бы постарела, и...

Шмыгнув носом, я улыбнулась своему отражению.

А графу Шерези этот шрам пойдет. Дамы, сраженные его загадочностью, будут ходить за графом хвостиком.

Святые бубенчики! О чем я думаю? Надеюсь, Караколь не слушает сейчас мои мысли и не будет надо мной потешаться.

Я выглянула за ширму. Фахан не потешался, он безотрывно смотрел на картину, как будто там давали уличное представление или танцевали балет.

Я аккуратно сложила свою грязную одежду, футляр (фаханов футляр! Сколько же с ним неудобств!) поместился в кармашек шлафора.

Пробежавшись по холодному каменному полу до стола, я устроилась за ним в кресле, поджав под себя ноги. Караколь не пошевелился. Я, похвалив про себя как его предусмотрительность, так и ненавязчивость, приступила к трапезе. Оленина, запеченная с артишоками, сыр и два вида паштета, в одном из которых я опознала гусиный, а другой не опознала вовсе. Все было вкусным, даже если принять во внимание мой нечеловеческий голод. Молодое игристое вино, великолепно сочетающееся как с паштетами, так и с сыром.

«Почему он не шевелится? Он что там, уснул?»

Караколь повел плечами, дернул крыльями, поднимаясь из кресла, и присоединился ко мне за столом.

– Миледи, – прежде чем присесть, он поклонился, – красный вам к лицу.

Я хихикнула, пузырьки вина щекотали нёбо.

И мы стали поддерживать светскую беседу. Он неожиданно много знал, например, о балете, и, улыбаясь воспоминаниям, рассказал, как смотрел мою эпохальную постановку на королевском празднике. Я тогда танцевала партию Спящего, и Караколь с восторгом описывал, какой чистой силой дышал мой танец.

– Это было волшебно. Даже танцы авалонских фей не могут сравниться с тем, что представляла ты!

На десерт был виноград, и я ощипала его полностью. Вино во второй бутылки оказалось насыщеннее и крепче. Я его только понюхала, памятуя о способности своей пьянеть с первого же глотка.

Как же мне было хорошо в этот момент! Даже «тру-ля-ля» с Караколем, в котором ему с такой непреклонностью было отказано, перестало казаться чем-то невозможным или (о ужас!) неприятным.

Я – уродина, он тоже не красавец. Из нас двоих получилась бы неплохая парочка. Он добр и внимателен. Он заботится обо мне. Если б не он, Моник-Ригель, эта безумная корова, давно бы уже играла в мяч башкой графа Цветочка Шерези.

Голова закружилась, я была уверена, что не от вина и не от охватившего меня чувства довольной сытости. Уши заложило, как бывает при сильном ветре, и где-то на самом краешке звуков, выше, чем самый высокий визг, я разобрала «приди», исполненное голосом безумной королевы.

Караколь моментально унесся в ночь, послав мне на прощание воздушный поцелуй.

– Госпожа зовет меня, я не могу отказать.

Разочарование мое было неглубоким и крайне недолгим. Пройдя по комнате легкими танцевальными па, я затушила одну за другой все свечи, кроме той, что стояла на туалетном

столике за ширмой и давала немного рассеянного света. Затем, исполнив батман, подпрыгнула у самой постели и рухнула на нее, уснув, кажется, еще в полете.

А ночью настало время сюрприза.

Уже потом, когда я смогла дышать и перестала стучать зубами от охватившего ужаса, пришло воспоминание, а с ним и понимание. Крошка-цверг сказал перед расставанием, что ночью бубенцы меня удивят. Они и удивили. Ошеломили. Ошарашили.

Сначала где-то в районе живота что-то закопошилось. Я проснулась, хлопнула себя поверх халата, почувствовала под руками шевеление, заорала, молча и от того еще более жутко, распахнула шлафор, сбивая юркую тварь. Футляр выпутался из ткани, скатился по бедру и раскрылся. Вокруг разнесся мелодичный звон – буквально несколько аккордов, знакомая с детства мелодия.

Я подобрала ноги под себя, вытянула шею, рассматривая содержимое футляра.

Бубенцы? Ну, если понимать это слово буквально... А как цверги, по-твоему, это слово поняли, дура ты деревенская? Вспомни, что именно ты просила? Графские бубенцы! Нет, волшебные графские бубенцы! Бубенцы, которые не нужно было бы подвизывать...

Я по словечку воссоздавала в памяти свой заказ, краснела, бледнела и злилась на себя.

Графские бубенцы – это название полевого цветка, вот его ты и получила – व्यюнок с двумя крошечными колокольчиками на кончике стебля. Ты отдала свои волосы за букет, Шерези. Bravo! Цветочек Шерези получил цветочек!

Страдания мои на этом не закончились. Чашечки колокольчика зашевелились, поднялись над постелью, закачались из стороны в сторону, будто внутри них находились маленькие внимательные глазки, меня сейчас рассматривающие.

– Дево-граф? – зазвенело в ушах. – Ну здравствуй, дева, и графу тоже не хворать...

Стебельки качнулись вниз, как при поклоне.

– Так и будем в молчанку играть?

Играть во что-нибудь другое я не могла при всем желании, поэтому молча накрыла артефакт подушкой и вскочила с кровати.

– Что я делаю не так? – Из-за подушки показались глазки-чашечки. – Почему ты молчишь?

К тому времени я уже заняла диспозицию за ширмой. И грозила из-за нее первым, что под руку подвернулось, – волосяной щеткой.

– Дево-граф повредился рассудком, – грустно сообщили бубенцы. – Хотя сыновья Ивальди считают, что ум этого существа изначально был под вопросом. Но ведь говорить оно могло? Иначе как оно смогло бы объяснить, что именно нужно создать? Мужские бубенцы немалых достоинств... Так вот в чем дело!

Бубенцы забренчали, как расстроенная мандолина, затем пропели «тру-ла-ла» и «ми-ми-ми».

– Так лучше?

Это уже было произнесено глубоким мужским басом.

Мужские бубенцы! Я захихикала и махнула щеткой в сторону кровати.

– Так у тебя забрали голос!

Стебельки ожили, выпустили из узелков еще какие-то лозы, сплелись, принимая форму человечка, похожего на детскую куклу.

– Сядь здесь, – человечек похлопал по постели ручкой. – Жестами-то ты можешь мне отвечать?

Я кивнула и присела, положив щетку около себя.

– Ты понимаешь, что я не причиню тебе никакого вреда?

Я пожала плечами.

– Не понимаешь или не уверена в обратном?

Я подняла вверх два пальца.

– Значит, второе. Что ж, давай по порядку. Меня создали подгорные цверги с тем, чтоб я служил тебе. Это понятно?

Я кивнула.

– У каждого сложного артефакта, а я, дево-граф, очень сложный артефакт, существуют некие миссии, которые они должны исполнять в течение своей жизни. Сейчас моя задача – служить тебе бубенцами, охранять, наблюдать и направлять. Ты просила Брока просветить себя?

Брок – так называл Караколь Папашу. Да. Конечно же просила.

Я мелко закивала.

– Ну вот мы и подошли к доказательству: артефакт, созданный для просвещения, не может причинить тебе вреда. Просто потому, что зло и знание ходят разными дорожками.

Тут мне захотелось возразить. Жизненный опыт, знаете ли, просто вопиет об обратном. Предположим, некие ученые создают сильный яд, которым тут же начинают травить всех направо и налево. Или некие механики разрабатывают осадные орудия, сразу же идущие в дело. Для владельца орудия это, наверное, благо, а для жителей и гарнизона замка, который ими осаждают, – зло.

Но пытаться вести этическую дискуссию, имея возможность отвечать только «да» и «нет», – дело глупое. Поэтому сентенция бубенцов удостоилась моего «да».

– Оно перестало меня бояться, – вздохнул артефакт. – Кстати, мне не нравится называть тебя – «оно». Кем ты предпочитаешь быть, мальчиком или девочкой?

Я показала два пальца, а потом подумала, что лучше мне быть все-таки графом. Но бубенцы уже приняли во внимание первый ответ.

Ну, хорошо. Я для него – дева, скорбная умом дева. А он тогда пусть будет Болтун, потому что болтает. Логично?

– А если ты перестала бояться, малышка, подумай и покажи пальцем, куда именно я должен тебе прирасти.

Я замотала головой, руками и даже, кажется, ногами.

Куда он должен был прирастать в моих дурацких фантазиях, я помнила прекрасно, и совершенно этого теперь не хотела. Потому что носить в гульфике говорящие бубенцы... это было уже за гранью! Когда-то подруги в Шерези, хихикая и закатывая глаза, рассказывали мне о том, что некоторые мужчины со своим достоинством беседуют, называют его чем-то вроде «дружок» или «малыш». Но, думается мне, даже если те байки были правдивы, любой муж лишится чувств, если его «дружок» или «малыш» вдруг ответит человеческим голосом либо отрастит глазки на стебельках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.